

КАРЛ ЯСПЕРС

Духовная ситуация времени

Книга впервые опубликована в 1931 г.

.....

2. Истоки современного положения

Вопрос о современной ситуации человека как результате его становления и его шансов в будущем поставлен теперь острее, чем когда-либо. В ответах предусматривается возможность гибели и возможность подлинного начинания, но решительный ответ не дается.

То, что сделало человека человеком, находится за пределами переданной нам истории. Орудия в постоянном владении, создание и употребление огня, язык, преодоление половой ревности и мужское товарищество при создании постоянного общества подняло человека над миром животных.

По сравнению с сотнями тысячелетий, в которых, по-видимому, совершались эти недоступные нам шаги к тому, чтобы стать человеком, зримая нами история приблизительно в 6000 лет занимает ничтожное время. В нем человек выступает как существо, распространившееся на поверхности Земли в множестве различных типов, которые лишь очень мало связаны или вообще не связаны друг с другом и не знают друг друга. Из их числа *человек западного мира*, который завоевал земной шар, способствовал тому, чтобы люди узнали друг друга и поняли значение своей взаимосвязанности внутри человечества, выдвинулся посредством последовательного проведения следующих принципов:

а) Ни перед чем не останавливающаяся *рациональность*, основанная на греческой науке, ввела в существование господство техники и счета. Общезначимое научное исследование, способность к предвидению правовых решений в рамках формального, созданного Римом права, калькуляция в экономических предприятиях, вплоть до рационализации всей деятельности, в том числе и той, которая в процессе рационализации уничтожается, – все это следствие позиции, безгранично открытой принуждению логической мысли и эмпирической объективности, которые постоянно должны быть понятны каждому.

б) *Субъективность самобытия* ярко проявляется у еврейских пророков, греческих философов и римских государственных деятелей. То, что мы называем личностью, сложилось в таком облике в ходе развития человека на Западе и с самого начала было связано с рациональностью в качестве ее коррелята.

в) В отличие от восточного неприятия мира и связанной с этим возможностью "ничто" как подлинного бытия западный человек воспринимает мир *как фактическую действительность* во времени. Лишь в мире, а не вне мира он обретает уверенность в себе. Самобытие и рациональность становятся для него источником, из которого он безошибочно познает мир и пытается господствовать над ним.

Эти три принципа утвердились в последних столетиях. XIX в. принес их полное проявление вовне. Земной шар стал повсюду доступен, пространство распределено. Впервые планета стала единым всеобъемлющим местом поселения человека. Все взаимосвязано. Техническое господство над пространством, временем и материей растет беспредельно уже не благодаря случайным отдельным открытиям, а посредством планомерного труда, в рамках которого само открытие становится методически достижимым.

.....

Массовый порядок и обеспечение существования

В водовороте современного существования часто становится непостижимым, что, собственно, происходит. Неспособные спастись на берегу, что позволило бы обозреть целое, мы носимся в своем существовании, как по морю. Водоворот создает то, что мы видим только тогда, когда он нас увлекает за собой.

Однако это существование рассматривается в настоящее время как само собой разумеющееся, как массовое обеспечение посредством рационального производства на основе технических открытий. Когда это знание постигаемого процесса в целом превращается в осознание бытия современности, неизбежным становится уже непостижимый в своих возможностях водоворот, а действующий в ходе необходимого экономического развития аппарат.

Ставя перед собой цель уяснения нашей духовной ситуации, мы исходим из того, как в настоящее время рассматривается действительность. Сжатое воспроизведение известного должно сделать ощутимым значение этого знания: если постигнутая в нем действительность сама по себе могущественна, то знание, как таковое, превращается в новую, духовную силу, которая, если она будет не ограничена обстоятельно обоснованным рациональным применением для отдельной целенаправленной деятельности, а абсолютизирована и превращена в общую картину существования, оказывается верой, которую остается лишь принять или отвергнуть. В то время как научное исследование по своей специфике направлено на исследование характера и уровня хозяйственных сил, для духовного осознания ситуации решающим является ответ на вопрос, следует ли считать эти силы и то, что они создают, единственной господствующей над всей действительностью человека.

М а с с о в о е с у щ е с т в о в а н и е и е г о у с л о в и я. По подсчетам 1800 г., население Земли составляло около 850 миллионов, сегодня оно равно 1800 миллионам. Этот неведомый ранее рост населения в течение одного столетия стал возможным благодаря развитию техники. Открытия и изобретения создали: новый базис производства, организацию предприятий, методическое изучение наибольшей производительности труда, транспорт и сообщение, повсюду доставляющее все необходимое, упорядочение жизни посредством формального права и полиции; и на основании всего этого – точную калькуляцию на предприятиях. Создавались предприятия, планомерно руководимые из центра, несмотря на то что на них заняты сотни тысяч людей; они распространили свое влияние на многие регионы планеты.

Это развитие связано с *рационализацией* деятельности: решения принимаются не инстинктивно или по склонности, а на основании знания и расчета; развитие связано с *механизацией*: труд превращается в просчитанную до предела, связанную с необходимыми правилами деятельность, которая может быть совершена различными индивидами, но остается одной и той же. Там, где раньше человек только выжидал, предоставляя возникнуть необходимому, он теперь предвидит и ничего не хочет оставлять воле случая. Рабочий вынужден в значительной мере превращаться в часть действующего механизма.

Массы населения не могут жить без огромного аппарата, в работе которого они участвуют в качестве колесиков, чтобы таким образом обеспечить свое существование. Зато мы обеспечены так, как никогда еще на протяжении всей истории не были обеспечены массы людей.

Обеспечение масс совершается не по определенному плану, а чрезвычайно сложном взаимодействии различных видов рационализации и механизации. Это не рабовладельческое хозяйство, где людей используют как животных, а хозяйство, в котором люди по своей доброй воле каждый на своем месте, пользуясь полным доверием, участвуют в создании условий для функционирования целого. Политическая структура такого аппарата деятельности – демократия в той или иной ее разновидности. Никто не может больше на основе измышленного плана определять без согласия массы, что ей следует делать. Аппарат развивается в столкновении борющихся и согласно действующих волевых направленностей; критерием того, что делает индивид, служит успех, который в конечном итоге определяет продолжение или устранение его деятельности. Поэтому все действует по плану, но не по плану целого.

В соответствии с этим в течение двух веков сложилась в качестве основной науки политическая экономия. Поскольку в это время экономические, технические и социальные процессы все более определяли для общего сознания исторический ход вещей, знание о них превратилось бы в науку человеческих вещей вообще. С

этим связана безмерная сложность в осуществлении принципа целерационального порядка в обеспечении существования, принципа, который сам по себе представляется столь простым. В этой сложности проявляется целый мир допустимого господства, который, будучи нигде не различимым как целое, существует только в постоянном видоизменении.

С о з н а н и е и в е к т е х н и к и. Следствием развития техники для повседневной жизни является *уверенность в обеспеченности всем необходимым для жизни*, но таким образом, что *удовольствие от этого уменьшается*, поскольку эту обеспеченность ожидают как нечто само собой разумеющееся, а не воспринимают как позитивное исполнение надежды. Все становится просто материалом, который можно в любую минуту получить за деньги; в нем отсутствует оттенок лично созданного. Предметы пользования изготавливаются в громадном количестве, изнашиваются и выбрасываются; они легко заменимы. От техники ждут не создания чего-то драгоценного, неповторимого по своему качеству, независимого от моды из-за его ценности в жизни человека, не предмета, принадлежащего только ему, сохраняемого и восстанавливаемого, если он портится. Поэтому все связанное просто с удовлетворением потребности становится безразличным; существенным только тогда, когда его нет. По мере того как растет масштаб обеспеченности жизни, увеличивается *ощущение недостатка* и угрозы опасности.

.....

Преодоление техникой времени и пространства в ежедневных сообщениях газет, в путешествиях, в массовом продуцировании и репродуцировании посредством кино и радио создало возможность *соприкосновения всех со всеми*. Нет более ничего далекого, тайного, удивительного. В имеющих важное значение событиях могут участвовать все. Людей, занимающих ведущие посты, знают так, будто ежедневно с ними встречаются.

Внутреннюю позицию человека в этом техническом мире называют *деловитостью*. От людей ждут не рассуждений, а знаний, не размышлений о смысле, а умелых действий, не чувств, а объективности, не раскрытия действия таинственных сил, а ясного установления фактов. Сообщения должны быть выражены сжато, пластично, без каких-либо сантиментов. Последовательно излагаемые ценные соображения, воспринимаемые как материал полученного в прошлом образования, не считаются достойными внимания. Обстоятельность отвергается, требуется конструктивная мысль, не разговоры, а просто сообщение фактов. Все существующее направлено в сторону управляемости и правильного устройства. Безотказность техники создает ловкость в обращении со всеми вещами; легкость сообщения нормализует знание, гигиену и комфорт, схематизирует то, что связано с уходом за телом и с эротикой. В повседневном поведении на первый план

выступает соответствие правилам. Желание поступать, как все, не выделяться создает поглощающую все типизацию, напоминающую на другом уровне типизацию самых примитивных времен.

Индивид распадается на функции. Быть означает быть в деле; там, где ощущалась бы личность, деловитость была бы нарушена. Отдельный человек живет как *сознание социального бытия*. В пограничном случае он ощущает радость труда без ощущения своей самости; живет коллектив, и то, что отдельному человеку казалось бы скучным, более того, невыносимым, в коллективе он спокойно принимает как бы под властью иного импульса. Он мыслит свое бытие только как "мы".

Бытие человека *сводится к всеобщему*; к жизнеспособности как производительной единицы, к тривиальности наслаждения. *Разделение труда и развлечений* лишает существование его возможного веса; публичное становится материалом для развлечения, частное – чередованием возбуждения и утомления и жаждой нового, неисчерпаемый поток которого быстро предается забвению; здесь нет длительности, это – только времяпровождение. Деловитость способствует также безграничному интересу к общей всем сфере инстинктивного: это выражается в воодушевлении массовым и чудовищным, созданиями техники, огромными скоплениями народа, публичными сенсациями, вызванными делами, счастьем и ловкостью отдельных индивидов; в утонченной и грубой эротике, в играх, приключениях и даже в способности рисковать жизнью. Число участников в лотереях поразительно; решение кроссвордов становится излюбленным занятием. Объективное удовлетворение духовных стремлений без личного участия гарантирует деловое функционирование, в котором регулируется утомление и опыт.

В разложении на функции существование *теряет свою историческую особенность*, в своем крайнем выражении вплоть до нивелирования возрастных различий. Молодость как выражение высшей жизнеспособности, способности к деятельности и эротического восторга является желанным типом вообще. Там, где человек имеет значение только функции, он должен быть молодым; если же он уже не молод, он будет стремиться к видимости молодости. К этому добавляется, что возраст отдельного человека уже изначально не имеет значения; жизнь его воспринимается лишь в мгновении, временное протяжение жизни – лишь случайная длительность, она не сохраняется в памяти как значимая последовательность неотвратимых решений, принятых в различных биологических фазах. Если у человек, в сущности, нет больше возраста, он все время начинает сначала и всегда достигает конца: он может делать и то и это, сегодня это, завтра другое; все представляется всегда возможным, и ничто, по существу, не действительно. Отдельный человек – не более чем случай из миллионов других случаев, так почему бы ему не придать значение своей деятельности? Все, что

происходит, происходит быстро, а затем забывается. Поэтому люди ведут себя, как будто они все одного возраста. Дети становятся по возможности раньше как бы взрослыми и участвуют в разговорах по собственному желанию. Там, где старость сама пытается казаться молодой, она не вызывает почтения. Вместо того, чтобы делать то, что ей пристало, и тем самым служить молодым на определенной дистанции масштабом, старость принимает облик жизненной силы, которая свойственна в молодости, но недостойна в старости. Подлинная молодость ищет дистанции, а не беспорядка, старость – формы и осуществления, а также последовательности в своей судьбе.

Поскольку общая деловитость требует *простоты, понятной каждому*, она ведет к *единым проявлениям человеческого поведения во всем мире*. Едиными становятся не только моды, но и правила общения, жесты, манеры говорить, характер сообщения. Общим становится и этос общения: вежливые улыбки, спокойствие, никакой спешки и настоятельных требований, юмор в напряженных ситуациях, готовность помочь, если это не требует слишком больших жертв, отсутствие близости между людьми в личной жизни, самодисциплина и порядок в толпе – все это целесообразно для совместной жизни многих и осуществляется.

Г о с п о д с т в о а п п а р а т а. Превращая отдельных людей в функции, огромный аппарат обеспечения существования *изымает их из субстанционального содержания жизни*, которое прежде в качестве традиции влияло на людей. Часто говорили: людей пересыпают, как песок. Систему образует аппарат, в котором людей переставляют по своему желанию с одного места на другое, а не историческая субстанция, которую они заполняют своим индивидуальным бытием. Все большее число людей ведет это оторванное от целого существование. Разбрасываемые по разным местам, затем безработные, они представляют собой лишь голое существование и не занимают больше определенного места в рамках целого. Глубокая, существовавшая раньше истина – каждый да выполняет свою задачу на своем месте в сотворенном мире – становится обманчивым оборотом речи, цель которого успокоить человека, ощущающего леденящий ужас покинутости. Все, что человек способен сделать, *делается быстро*. Ему дают задачи, но он лишен последовательности в своем существовании. Работа выполняется целесообразно, и с этим покончено. В течение некоторого времени идентичные приемы его работы повторяются, но не углубляются в этом повторении так, чтобы они стали достоянием того, кто их применяет; в этом не происходит накопления самобытия. То, что прошло, не имеет значения, значимо лишь то, что в данную минуту происходит. Основное свойство этого существования – умение забывать; его перспективы в прошлом и в будущем почти сжимаются в настоящем. Жизнь течет без воспоминаний и без предвидения во всех тех случаях, когда речь идет не о силе абстрагирующего, целесообразно направленного внимания на производительную функцию внутри аппарата. Исчезает любовь к вещам и к людям.

Исчезает готовый продукт, остается только механизм, способный создавать новое. Насильственно прикованный к ближайшим целям, человек лишен пространства, необходимого для видения жизни в целом.

Там, где мерой человека является средняя производительность, индивид, как таковой, безразличен. Незаменимых не существует. То, в качестве чего он был, он – общее, не он сам. К этой жизни предопределены люди, которые совсем не хотят быть самими собой; они обладают преимуществом. Создается впечатление, что мир попадает *во власть посредственности*, людей без судьбы, без различий и без подлинной человеческой сущности.

Кажется, что объективированный, оторванный от своих корней человек утратил самое существенное. Для него ни в чем не сквозит присутствие подлинного бытия. В удовольствии и неудовольствии, в напряжении и утомлении он выражает себя лишь как определенная функция. Живя со дня на день, он видит цель, выходящую за пределы сиюминутного выполнения работы, только в том, чтобы *занять по возможности хорошее место в аппарате*. Масса остающихся на своих местах отделяется от меньшинства бесцеремонно пробивающихся вперед. Первые пассивно пребывают там, где они находятся, работают и наслаждаются после работы досугом; вторых побуждают к активности честолюбие и любовь к власти; они изматываются, придумывая возможные шансы к продвижению и напрягая последние силы.

Руководство всем аппаратом осуществляется *бюрократией*, которая сама является аппаратом, т.е. людьми, превратившимися в аппарат, от которых зависят работающие в аппарате.

Государство, общество, фабрика, фирма – все это является предприятием во главе с бюрократией. Все, что сегодня существует, нуждается в множестве людей, а следовательно, в организации. Внутри бюрократического аппарата и посредством него возможно продвижение, которое предоставляет большую значимость при сходных, по существу, функциях, требующих только большей интеллигентности, умения, особых способностей, активных действий.

Господствующий аппарат *покровительствует* людям, обладающим способностями, которые позволяют им выдвинуться: умеющим оценивать ситуацию беспардонным индивидам, которые воспринимают людей по их среднему уровню и поэтому успешно используют их; они готовы в качестве специалистов подняться до виртуозности, одержимые желанием продвинуться, они способны жить, не задумываясь и почти не тратя времени на сон.

Далее, требуется умение завоевать расположение. Надо уметь уговорить, даже подкупить – безотказно нести службу, стать незаменимым, – молчать, надувать немного, но не слишком лгать, быть неутомимым в нахождении оснований – вести

себя внешне скромно, – в случае необходимости взывать к чувству, трудиться к удовольствию начальства, не проявлять никакой самостоятельности, кроме той, которая необходима в отдельных случаях.

Для того, кто по своему происхождению не может претендовать на высокие посты в бюрократическом аппарате, не подготовлен к тому воспитанием и должен добиваться соответствующего положения своими силами, это связано с манерой поведения, с инстинктом, отношением к ценностям, и все это представляет для подлинного самобытия как условия ответственного руководства. Иногда может помочь счастливая случайность; однако, как правило, преуспевающие отличаются такими качествами, которые препятствуют им мириться с тем, что человек остается самим собой, и потому они безошибочным чутьем пытаются всеми средствами вытеснить таких людей из своей сферы деятельности: они называют их самонадеянными, чудаками, односторонними и неприемлемыми в деле; их деятельность оценивается фальшивым абсолютным масштабом; они вызывают подозрение, их поведение рассматривают как провоцирующее, нарушающее покой, мир в обществе и преступающее должные границы. Поскольку высокого положения достигает только тот, кто пожертвовал своей сущностью, он не хочет допустить, чтобы другой ее сохранил.

.....

Г о с п о д с т в о м а с с ы. Масса и аппарат связаны друг с другом. Крупный механизм необходим, чтобы обеспечить массам существование. Он должен ориентироваться на свойства массы: в производстве – на рабочую силу массы, в своей продукции – на ценность массы потребителей.

Масса как *толпа не связанных друг с другом людей*, которые в своем сочетании составляют некое единство, как преходящее явление существовала всегда. Масса как *публика* – типический продукт определенного исторического этапа; это связанные воспринятыми словами и мнениями люди, не разграниченные в своей принадлежности к различным слоям общества. Масса как *совокупность* людей, *расставленных внутри аппарата по упорядочению существования* таким образом, чтобы решающее значение имела воля и свойства большинства, является постоянно действующей силой нашего мира, которая в публике и массах в качестве толпы принимает облик преходящего явления.

Прекрасный анализ свойств массы как временного единства *толпы* дал Лебон¹, определив их импульсивность, внушаемость, нетерпимость, склонность к изменениям и т.д. Свойство массы в качестве *публики* состоит в призрачном представлении о своем значении как большого числа людей; она составляет свое

¹ Лебон (Le Bon) Гюстав (1841 –1931) – французский врач и социолог. В своей книге "Психология толпы" выдвинул идею коллективной души. Лебон был одним из первых, кто изучал психологию пропаганды.

мнение в целом, которое не является мнением ни одного отдельного человека; бесчисленные другие, ничем не связанные многие, мнение которых определяет решение. Это мнение именуется "общественным мнением". Оно является фикцией мнения всех, в качестве такового оно выступает, к нему взывают, его высказывают и принимают отдельные индивиды и группы как свое. Поскольку оно, собственно говоря, неосвязаемо, оно всегда иллюзорно и мгновенно исчезает – ничто, которое в качестве ничто большого числа людей становится на мгновение уничтожающей и возвышающей силой.

Познание свойств *расчлененной в аппарате массы* не просто и не однозначно. Что представляет собой человек, проявляется в том, что делает большинство: в том, что покупается, что потребляется, в том, на что можно рассчитывать, когда речь идет о многих людях, а не о склонности отдельных индивидов. Так же как статьи бюджета в частном хозяйстве служат характерным признаком сущности отдельного человека, так бюджет зависимого от большинства государства служит признаком сущности масс. О сущности человека можно судить, если быть осведомленным о наличных у него средствах, исходя из того, на что у него есть деньги и на что их не хватает. Самым непосредственным образом узнать, чего можно в среднем ожидать, учит опыт, складывающийся из соприкосновения со многими людьми. Эти суждения поразительно сходны на протяжении тысячелетий. Объединенные в большом количестве люди как будто хотят только существовать и наслаждаться; они работают под действием кнута и пряника; они, собственно говоря, ничего не хотят, приходят в ярость, но не выражают свою волю; они пассивны и безразличны, терпят нужду; когда наступает передышка, они скучают и жаждут нового.

Для расчлененной в аппарате массы главное значение имеет *фикция равенства*. Люди сравнивают себя с другими, тогда как каждый может быть самим собой, только если он не сравним ни с кем. То, что есть у другого, я тоже хочу иметь; то, что может другой, мог бы и я. Тайно господствует зависть, стремление наслаждаться, иметь больше и знать больше.

Если в прежние времена, для того чтобы знать, на что можно рассчитывать, следовало знакомиться с князьями и дипломатами, то теперь для этого нужно быть осведомленным о *свойствах массы*. Условием жизни стала необходимость выполнять какую-либо функцию, так или иначе служащую массам. Масса и ее аппарат стали предметом нашего животрепещущего жизненного интереса. В своем большинстве она господствует над нами. Для каждого, кто сам не обманывает себя, она является сферой его полной служебной зависимости, деятельности, забот и обязательств. Он принадлежит ей, но она угрожает человеку гибелью в риторике и суете, связанными с ее утверждением "мы – все"; ложной утверждение силы этого утверждения улетучивается как ничто. Расчлененная в аппарате масса бездуховна и бесчеловечна. Она – наличное бытие без существования, суеверие без веры. Она

способна все растоптать, ей присуща тенденция не терпеть величия и самостоятельности, воспитывать людей так, чтобы они превращались в муравьев.

В процессе консолидации огромного аппарата по упорядочению жизни масс каждый должен ему служить и своим трудом участвовать в создании нового. Если он хочет *жить, занимаясь духовной деятельностью*, это возможно, только участвуя в умиротворении какой-либо массы людей. Он должен показать значимость того, что приятно массе. Она хочет обеспечения своего существования пропитанием, эротикой, самоутверждением; жизнь не доставляет ей удовольствия, если что-либо из этого отсутствует. Помимо этого ей нужен способ познания самой себя. Она хочет быть ведомой, но так, чтобы ей казалось, будто ведет она. Она не хочет быть свободной, но хочет таковой считаться. Для удовлетворения ее желаний фактически среднее и обычное, но не названное таковым должно быть возвеличено или во всяком случае оправдано в качестве общечеловеческого. Недоступное ей именуется далеким от жизни.

Для воздействия на массу необходима *реклама*. Поднимаемый ею шум служит в настоящее время формой, которую должно принимать каждое духовное движение. Тишина в человеческой деятельности в качестве формы жизни по-видимому исчезла. Необходимо показываться, читая доклады и произносить речи, вызывать сенсацию. В массовом аппарате в представительстве не достает подлинного величия. Нет празднеств. В подлинность праздников никто не верит, даже сами их участники. Достаточно представить себе папу совершающим торжественное путешествие через весь земной шар в центр нынешнего могущества, в Америку, примерно так, как он в средние века разъезжал по Европе, и мы сразу же увидим, насколько несравним с прошлым феномен нашего времени.

4. Кризис

То, что в течение тысячелетий составляло мир человека, в настоящее время как будто потерпело крушение. Мир, возникающий в качестве аппарата обеспечения существования, принуждает всех служить ему. То, чему в нем нет места, он уничтожает. Человек как будто растворяется в том, что должно быть лишь средством, а не целью, не говоря уже о смысле. Он не может обрести в этом удовлетворение; ему должно недоставать того, что придает ему ценность и достоинство. То, что во всех бедах было непререкаемым фоном его бытия, теперь находится в стадии исчезновения. Расширяя свое существование, он жертвует своим бытием, в котором он обретает себя.

Одно осознается всеми – с тем, что, собственно, и составляет главное в жизни человека, неблагополучно. Все стало сомнительным; всему грозит опасность. Подобно тому как некогда было принято говорить, что мы живем в переходный

период и тридцать лет назад наше духовное бытие определялось как *fin de siecle*², так теперь в каждой газете речь идет о кризисе.

Ищут основу этого кризиса и приходят к заключению, что это – кризис государственный; если характер правления не ведет к решительному волеизъявлению целого и согласие неустойчиво, то неустойчивым становится все. Иногда говорят о кризисе культуры как распаде духовности или, наконец, о кризисе самого человеческого бытия. Граница абсолютизированного порядка существования выступает настолько резко, что колебание распространяется на все.

В действительности сущность кризиса заключается в *недостатке доверия*. Если еще сохранялись обязательность формального права, нерушимость науки, прочие условности, то все это было лишь расчетом, не доверием. Когда все подчиняется целесообразности интересов существования, сознание субстанциальности целого исчезает. В самом деле, сегодня невозможно доверять ни вещи, ни должности, ни профессии, ни лицу до того, как обретена уверенность в каждом конкретном случае. Каждому сведущему человеку известно об обманах, притворстве, ненадежности и в сфере его деятельности. Существует доверие только в самом маленьком кругу, но не доверие в рамках целого.

Все охвачено кризисом, необозримым и непостижимым в своих причинах, кризисом, который нельзя устранить, а можно только принять как судьбу, терпеть и преодолевать. Необозримость кризиса можно в общем приблизительно определять четырьмя способами.

Все технические и экономические проблемы принимают *планетарный* характер. Земной шар стал не только сферой переплетения экономических связей и единства технического господства над существованием; все большее количество людей видят в нем единое замкнутое пространство, в котором они соединены для развития процесса своей истории. В мировой войне впервые участвовало все человечество.

Объединение людей земного шара привело к процессу *нивелирования*, на который мы взираем с ужасом. Всеобщим сегодня всегда становится поверхностное, ничтожное и безразличное. К этому нивелированию стремятся, будто оно создает единение людей. В тропических плантациях и в северном рыбацком поселке демонстрируются фильмы столиц. Одежда повсюду одинакова. Одни и те же манеры, танцы, одинаковый спорт, одинаковые модные выражения; месиво, составленное из понятий Просвещения, англосаксонского позитивизма и теологической традиции, господствует на всем земном шаре. Искусство экспрессионизма было в Мадриде таким же, как в Москве и Риме. Всемирные конгрессы ведут к усилению этого нивелирования, поскольку там стремятся не к

² Конец века (франц.).

коммуникации гетерогенного, а к общности религии и мировоззрения. Расы смешиваются. Исторически сложившиеся культуры отрываются от своих корней и устремляются в мир технически оснащенной экономики, в пустую интеллектуальность.

Этот процесс только начался, но каждый человек, даже ребенок, втянут в него. Упоение расширением пространства уже начинает превращаться в ощущение его тесноты. Нам кажется странным, что Цеппелин³, пролетая над Сибирью, еще не встречал людей, убежавших и прятавшихся от него. На кочевников взирают как на остановившееся прошлое.

Прежде всего бросается в глаза необратимая утрата *субстанциальности*, остановить которую невозможно. На протяжении столетий физиогномика поколений все время снижается, достигая более низкого уровня. В каждой профессии наблюдается недостаток в нужных людях при натиске соискателей. В массе повсюду господствует заурядность; здесь встречаются обладающие специфическими способностями функционеры аппарата, которые концентрируются и достигают успеха. Путаница, вызванная обладанием почти всеми возможностями выражения, возникшими в прошлом, почти непроницаемо скрывает человека. Жест заменяет бытие, многообразие – единство, разговорчивость – подлинное сообщение, переживание – экзистенцию; основным аспектом становится бесконечная мимикрия.

Существует духовная причина упадка. Формой связи в доверии был *авторитет*; он устанавливал закон для неведения и связывал индивида сознанием бытия. В XIX в. эта форма полностью уничтожена огнем критики. Результатом явился, с одной стороны, свойственный современному человеку цинизм; люди пожимают плечами, видя подлость, которая происходит в больших и малых масштабах и скрывается. С другой стороны, исчезла прочность обязательств в связывающей верности; вялая гуманитарность, в которой утрачена гуманность, оправдывает посредством бессодержательных идеалов самое ничтожное и случайное. После того, как произошло расколдовывание мира, мы осознаем разбожествление мира, собственно говоря, в том, что нет больше непререкаемых законов свободы и его место занимают порядок, соучастие, желание не быть помехой. Но нет такого воления, которое бы могло восстановить истинный авторитет. Его место заняли бы только несвобода и насилие. То, что могло бы заменить авторитет, должно возникнуть из новых истоков. *Критика* всегда служит условием того, что могло бы произойти, но созидать она не способна. Некогда положительная жизненная сила, она сегодня рассеялась и распалась; она направляет свое острие даже против самой себя и ведет в бездну случайного. Смысл ее уже не может состоять в том, чтобы выносить суждения и решения в

³ Цеппелин (Zerpelin) Фердинанд (1838 – 1917) – немецкий конструктор дирижаблей.

соответствии со значимыми нормами, ее истинная задача теперь в том, чтобы подступить близко к происходящему и сказать, каково оно. А это она сможет лишь в том случае, если она вновь будет одухотворена подлинным содержанием и возможностью создающего себя мира.

На вопрос, что же теперь еще осталось, следует ответить: *сознание опасности и утраты* в качестве радикального кризиса. Сегодня это сознание – лишь возможность, а не обладание и гарантия. Всякая объективность стала двусмысленной; истина как будто заключена в невозвратно утраченном, субстанция – в беспомощности, действительность – в маскарade. Тот, кто хочет преодолеть кризис и достигнуть истоков, должен пройти через утраченное, чтобы, усваивая, вспомнить; измерить беспомощность, чтобы принять решение о себе самом; испробовать маскарad, чтобы ощутить подлинное.

Новый мир может возникнуть из кризиса не посредством рационального порядка существования как такового; человек, являющийся чем-то большим, чем он создает в рамках этого порядка, обретает себя посредством *государства* в воле к своей целостности, для которой порядок существования становится просто средством, и в *духовном творении*, посредством которого он приходит к сознанию своей сущности. На обоих путях он может вновь удостовериться в истоках и цели, в своем *бытии человеком* – в благородном и свободном самосозидании, утраченном им в том, что было лишь порядком существования. Если он полагает обрести в государстве существенное, то вскоре поймет, что государство само по себе еще не все, а лишь сфера осуществления возможного. Если же он доверится духу как бытию в себе, то присутствие его в каждой существующей объективности начнет вызывать у него сомнение. Он должен вернуться к началу, к *бытию человеком*, которое придает государству и духу полнокровность и действительность.

Тем самым человек привносит относительность в *единственную* связь, способную охватить *всех*, внешний порядок мира рассудочного целенаправленного мышления. Однако истина, создающая в человеке ощущение общности, является чисто исторической верой, которая никогда не может быть верой всех. Конечно, *истина разумного понимания* одна для всех, но *истина, которой является сам человек*, достигающая в нем ясности, отделяет его от других. В бесконечной борьбе исконной коммуникации возгорается чуждое в столкновении друг с другом; поэтому человек, который достиг своей сущности в духовной ситуации современности, отвергает насильственно навязываемую ему веру. Единство целого в качестве постигаемого остается историческим для данного государства, дух остается связанным с его истоками жизнью, человек – его специфической незаменимой сущностью.

.....

Упадок духа и его возможность

Государство в качестве действительности существования было границей, на которой нечто большее, чем существование, определяло его волей в целом. Государство в силу своей власти является последней инстанцией решения в сфере существования, но не последним для самого человека. В нем он не обретает покоя. Даже если он идентифицирует себя с ним, целое остается для него под вопросом, ибо для него государство всегда остается лишь промежуточным бытием в незавершенном движении сквозь время. Если же государство становится просто слугой массового порядка и теряет всякое отношение к подлинной судьбе, если оно в этой зависимости изменяет возможностям человека в качестве экзистенции в труде, профессии, духовном созидании, тогда человек в качестве самобытия должен внутренне даже противостоять государству. Правда, установленный благодаря власти государства порядок существования никогда не может быть упразднен, ибо тогда наступит полный развал; но может возникнуть жизнь в радикальной оппозиции, основным вопросом которой является – как вновь овладеть этим порядком.

Поскольку человек не находит завершения в осуществлении целостности существования, он, перелетая через существование, строит в пространстве, в котором он во всеобщем образе своего бытия коммуникативно обретает уверенность, второй мир, мир *духа*. Правда, он и как духовное бытие связан со своей действительностью существования, но в своем взлете он выходит за ее пределы; освобождаясь на мгновение от действительности, он возвращается в нее в качестве бытия, которым он стал в созидании духа.

Из таких истоков в первом мире обнаруживается второй: *в знании своего бытия* человек выходит за пределы своего лишь данного ему существования. В сфере своего образования он завершает духовный процесс, который, определяя деятельность в заботе о существовании, становится смыслом пронизывающей ее идеи. В творениях искусства, науки и философии дух создает свой язык.

Судьба духа заключена в полярности *зависимости существования и изначальности*. Он теряется как в одной только зависимости, так и в воображаемой недействительности. Если в действительности существования он был ее идеей, то эта идея может умереть, а то, что было духом, продолжает пребывать в остаточных явлениях в качестве оболочки, маски и просто раздражения.

В нашу эпоху массового порядка, техники, экономики духу вместе с человеческим бытием грозит, если эта неизбежность абсолютизируется, разрушение в своей основе: подобно тому как государство в качестве союзника человека может быть парализовано, так может быть парализован и дух, если он живет уже не истинной жизнью из собственных истоков, в конечной целесообразности, а жизнью в конечной целесообразности, фальсифицированной для службы мысли.

1. Образование

В образовании как *форме жизни* есть стержень – дисциплина в качестве *умения мыслить*. А среда – образованность в качестве знаний. Его материалом являются созерцание образов прошлого, познание как необходимо значимые воззрения, знание вещей и владение языками.

Образованность и античность. На Западе образованность широких слоев, в отличие от массы, вплоть до настоящего времени осуществлялась только посредством гуманистических знаний, тогда как для отдельных индивидов были возможны и другие пути. Тот, кто в молодости изучал греческий и латинский, читал античных авторов, философов и историков, кто освоил математику, ознакомился с Библией и немногими великими поэтами своей нации, преисполнен миром, который в своей бесконечной подвижности и открытости дает прочное содержание и делает доступным все остальное. Однако такое воспитание в своем существовании уже есть отбор. Не все обретают в нем то, что важно, многие оказываются несостоятельными и способными воспринять лишь внешнее. Решает здесь не специфическая способность к языкам, к математическому размышлению или реалиям, а готовность к духовному постижению. Гуманистическое образование – всегда образование единичного человека, который посредством своего бытия в становлении совершает вместе с тем и выбор. Поэтому лишь это воспитание обладает тем чудесным свойством, что и плохие учителя могут достигнуть успеха. Тот, кто в ученические годы, читая "Антигону"⁴, слышит лишь о грамматике и метрике и противится такому преподаванию, может быть все-таки взволнован самим текстом.

На вопрос, почему же именно этот путь обладает таким преимуществом, ответ может быть дан только исторически, а не исходя из какой-либо рационально понятой целесообразности. Античность дала фактическое обоснование тому, чем мы на Западе можем быть в качестве людей. В Греции идея образованности была впервые осуществлена и постигнута так, как она с тех пор применяется каждым, кто ее понимает. Все великие взлеты человеческого бытия происходили на Западе посредством соприкосновения и размежевания с античностью. Там, где о ней забывали, наступало варварство. Оторвавшемуся от своей почвы суждено колебаться, будучи лишенным опоры, и именно таково будет наше состояние, если мы утратим связь с античностью. Античность – наша почва, хотя она постоянно меняется, и лишь во вторую очередь и без автономной силы образования – прошлое своего народа. Мы – европейцы в своей принадлежности народности, которая посредством специфического заимствования стала таковой. Это образование теперь в лучшем случае допускается волей масс. Число людей, для которых оно что-то значит, становится все меньше.

Нивелированное образование и специальная подготовка.

В существовании массового порядка всеобщее образование приближается к *требованиям среднего человека*. Духовность гибнет, распространяясь в массе, ра-

⁴ "Антигона" – трагедия древнегреческого поэта-драматурга Софокла (496 – 406 до Р.Х.).

ционализация, доведенная до грубой моментальной доступности рассудку, приносит в каждую область знания процесс обеднения. С нивелирующим массовым порядком *исчезает тот образованный слой*, который на основе постоянного обучения обрел дисциплину мыслей и чувств и способен откликаться на духовные творения. У человека массы мало времени, он не живет жизнью целого, избегает подготовки и напряжения без конкретной цели, преобразующей их в пользу; он не хочет ждать и допускать созерцание; все должно сразу же дать удовлетворение и в настоящем; духовное стало сиюминутным удовольствием. Поэтому эссе стало наиболее подходящей литературной формой, газета вытеснила книгу, а все время меняющееся чтение – сопутствующие на протяжении всей жизни творения. Читают быстро. Нужна краткость, но не та, которая может стать предметом воспоминания в медитации, а та, которая быстро сообщает то, что хотят знать и что затем сразу же забывают. Собственно говоря, подлинное чтение в духовном единении с содержанием стало невозможным.

Теперь образованность означает нечто, никогда не получающее формы, а стремящееся в чрезвычайной *интенсивности выйти из пустоты*, к которой постоянно *возвращаются*. Появляются *типичные оценки*. Люди уже пресыщены тем, что они только что услышали; поэтому они все время ищут нового, привлекающего их уже самой новизной. В нем приветствуют изначальное, которого ждут, и вскоре отворачиваются от него, ибо оно нужно только как сенсация. В сознании того, что наступила эпоха, формирующаяся как новый мир, где прошлого уже недостаточно, люди охотно дают наименование нового тому, что хотят сделать значимым: новое мышление, новое ощущение жизни, новая культура тела, новая деловитость, новое хозяйствование и т.д. Утверждение "нечто *ново*" является позитивной оценкой, не новопренебрежительной. Даже если сказать нечего, есть ведь рассудок, который можно занять решением сложных задач как объектом преодоления; утверждение, что человек *интеллигентен* становится оценкой, которая теперь заменяет духовное бытие возможной экзистенции. Нет человеческой близости, нет любви, есть только польза; товарищи и друзья выступают в абстрактной теории или служат сиюминутным целям существования; отдельный человек ценится в качестве *интересного*, не в качестве самого себя, а как раздражитель; раздражение прекращается, как только он больше не удивляет. *Образованным* называется тот, кто обладает способностью ко всему этому, являет себя новым, интеллигентным и интересным. Сфера этой образованности – *дискуссия*, которая сегодня стала массовым явлением. Однако дискуссия могла бы вместо удовольствия, упомянутого выше в трех оценках, дать подлинное удовлетворение лишь в том случае, если она служит подлинной коммуникации в качестве выражения борьбы верований или сообщения опыта и знания, принадлежащих совместно конституированному миру.

Массовое распространение знания и его выражения ведет к *изнашиванию* слов и фраз. В хаосе образованности можно сказать все, но так, что, собственно говоря, ничего не имеется в виду. Неопределенность смысла слов, более того, даже отказ от

отвлеченности, которая только и соединяет дух с телом, делает существенное понимание невозможным. Когда внимание к подлинному содержанию утрачено, в конце концов сознательно обращаются к *языку как языку*, и он становится предметом намерения. Если я смотрю на местность через стекло и это стекло становится мутным, то я все еще вижу, но если я вставляю стекло в глаз, я не вижу больше ничего. Сегодня избегают воспринимать через язык бытие, более того, бытие подменяется языком. Считая, что бытие "изначально", избегают всех привычных слов, прежде всего высоких слов, которые имели и могли иметь содержание. Непривычное слово и непривычное расположение слов должны симулировать изначальную истину, способность быть новым в словах, глубину. Дух как будто пребывает в новых наименованиях. На мгновение поразительное свойство языка приковывает внимание, но вскоре оно теряет значение или оказывается личиной. Сведение к языку кажется судорожным усилием найти в хаосе образования форму. Таким образом, сегодня проявление образованности, которая заменяет действительность, либо *расплывчатые* высказывания любыми словами, либо разговорчивость становится *манерой речи*. Центральное значение языка для человеческого бытия стало вследствие искажения направленности внимания фантомом.

В этом неудержимом разложении усиливаются возможности образования, обнаруживаются пути к *подъему*: там, где речь идет о *профессиональном знании*, точная *специализация* стала само собой разумеющейся. Распространилась специализация; необходимое для этого знание может быть достигнуто усвоением методов и сведено к простейшей форме в своих результатах. В хаосе повсюду разбросаны оазисы, где люди, обладая профессиональным знанием, к чему-либо способны. Но это знание разбросано; отдельный человек может выполнять лишь отдельные функции, и это его умение часто подобно ограниченной сфере, которой он только обладает, но не приводит к единству со своей сущностью и с целостностью образованного сознания.

Историческое усвоение. Возникла враждебность к образованию, которая сводит содержание духовной деятельности к техническому умению и выражению минимума голого существования. Эта позиция – коррелят к технизации планеты и жизни индивида, который ведет к превращению *исторической традиции* у всех народов, чтобы поставить собственное существование на новую основу: существовать может лишь то, что входит в новый, созданный Западом, но по своему смыслу и воздействию общезначимый мир технической рациональности. Этот акт обуславливает доходящее до корней человеческого бытия потрясение. Это наиболее глубокий надлом, когда-либо известный Западу; однако, поскольку он создан самим Западом в его духовном развитии, здесь он находится в континууме мира, к которому принадлежит. Ко всем другим культурам этот надлом приходит извне как катастрофа. Ничто не может больше сохраняться в прежнем виде. Один и тот же основной вопрос стоит перед великими культурными народами Индии и Восточной Азии, так же как перед нами. В мире технической цивилизации им надлежит либо преобразовать свои социальные условия и следствия, либо погиб-

нуть. Когда враждебность к образованию самонадеянно уничтожает все прошлое, будто мир начинается сначала, духовная субстанция может быть сохранена в этом преобразовании только посредством *исторического воспоминания*, которое в качестве такового есть не просто знание о прошлом, а сила жизни в настоящем. Без него человек стал бы варваром.

Н а у к а. Наука и сегодня создает много замечательного. В *естественных науках* начался волнующий, быстрый прогресс в основных идеях и эмпирических результатах. Разбросанный по всем странам мира круг исследователей связан рациональным взаимопониманием. Один бросает, как мяч, другому полученные данные. Этот процесс обретает отклик в массе благодаря доступности результатов. Близкое к объективности видение в *гуманитарных науках* достигло микроскопической точности. Доступно стало никогда ранее неизвестное богатство документов и памятников. Достигнута уверенность в критике.

Однако ни бурное продвижение естественных наук, ни расширение материала гуманитарных наук не могло предотвратить рост *сомнения* по отношению к науке. *Естественные науки* лишены целостности созерцания; несмотря на их значительное единство, их основные идеи действуют сегодня скорее как рецепты, которые пробуют применять, чем как окончательно достигнутая истина. *Гуманитарные науки* лишены этоса гуманитарного образования; еще появляются, правда, содержательные работы, но они единичны и воспринимаются скорее как последнее завершение возможности, за которой, быть может, ничего не последует. Борьба, которая велась филологическими и критическими исследованиями против философии истории как некоторой целостности, завершилась неспособностью представить историю как целостность человеческих возможностей. Расширение объема, известного истории, на тысячелетия привело, правда, к внешним открытиям, но не к новому усвоению субстанциальной сущности человека чести. Кажется, что на прошлое опустилась пустота общего безразличия.

Кризис науки состоит, следовательно, не в границах их умения, а в сознании их смысла. С распадом целого перед неизмеримостью знаемого встал вопрос, стоит ли оно знания. Там, где знание, лишено целостного мировоззрения, лишь правильно, оно ценится по своей технической пригодности. Оно погружается в бездонность того, что, собственно говоря, никого не интересует.

Причины этого кризиса отчасти становятся понятными *из развития самой науки*. Масса обнаруженного материала, уточнение и многообразие методов раздают все больше предпосылок, которые каждое новое поколение должно усвоить, прежде чем оно начнет работать. Кажется, что наука выходит за пределы того, что способен постигнуть человек. Прежде чем он осилит созданное до него, его настигнет смерть. Между тем там, где наука основана на определенном смысле, развиваются основные идеи и отношение к жизни, которые овладевают этой бесконечностью. Объем доступного знания всегда был таков, что никто не мог полностью им овладеть. Однако средства к овладению каждый раз открывались как решающие шаги к пониманию. То, что есть наука, осуществлялось как целое в

личности *человека*. Дошедшие из прошлого предпосылки обладают поэтому на данной ступени знания и умения, быть может, еще неиспробованной возможностью.

Тот факт, что сегодня повсюду ищутся корни, пробуются и сталкиваются друг с другом теоретические принципы в их многообразных возможностях, вызывает у дилетантов сомнение. Там, где вообще нет больше твердой точки, знаемое, по их мнению, висит в воздухе. Однако так воспринимает познание лишь тот, кто в нем не участвует. Творческие шаги к новым принципам колеблют действительно здание познания, но сразу же вновь утверждают его в последовательности исследования, которое сохраняет в новом смысле достигнутое, поставленное им под вопрос, для целого особенной науки.

Следовательно, не имманентное развитие науки в достаточной мере объясняет кризис, а лишь *человек, которого затрагивает научная ситуация*. Не наука сама по себе, а он сам в ней находится в состоянии кризиса. Историко-социологическая причина этого кризиса заключена в массовом существовании. Факт *превращения свободного исследования отдельных людей в научное предприятие* привел к тому, что каждый считает себя способным в нем участвовать, если только он обладает рассудком и прилежанием. Возникает слой плебеев от науки; они создают в своих работах пустые аналогии, выдавая себя за исследователей, приводят любые установления, подсчеты, описания и объявляют их эмпирической наукой. Бесконечность принятых точек зрения, в результате чего все чаще люди друг друга не понимают, – лишь следствие того, каждый безответственно смеет высказывать свое мнение, которое он вымучил, чтобы также иметь значение. Все стремятся "поставить на обсуждение" все, что приходит в голову. Огромное количество печатной научной продукции становится, наконец, в ряде областей выставкой хаотического потока, по существу, непонятных уже *capita mortua*⁵ некогда живого мышления в головах людей массы. Там, где наука становится функцией тысяч заинтересованных в ней людей, принадлежащих к данной специальности по профессии, *смысл исследования и литературы может вследствие усредненности переходить друг в друга*. Поэтому в некоторых науках литературная сенсация в качестве ложного журнализма уже стала средством моментального успеха. Результатом всего этого является осознание бессмысленности.

Там, где в науке еще сохраняется континуум продолжающегося открытия, она часто возможна только посредством *критерия технического подтверждения* своей значимости, ибо изначальное желание знать больше не является целью. Тогда только премии за научные открытия двигают научное исследование, которое продолжается, несмотря на то, что силы его парализованы. Тем самым становится возможным создание, которое видит объективный кризис там, где вина только в субъекте. Процесс духовного самоопустошения науки идет на пользу механизированному существованию масс, которое способно награждать премиями, которые

⁵ "Мертвая голова"; в переносном значении "лишенное смысла". Здесь – "следов" (лат.).

заставляют талантливых людей продолжать планомерное исследование без иного научного смысла.

В массовом существовании высших учебных заведений проявляется тенденция уничтожить науку как науку. Она должна приспособиться к требованиям массы, которая заинтересована только в практической цели, в экзамене и связанными с ним правами; исследование получает поддержку лишь постольку, поскольку оно обещает практически осуществимые результаты. Это сводит науку к объективным знаниям, которые доступны рассудку и могут быть усвоены в обучении. Вместо университета, который живет в духовном беспокойстве "*sapere aude*"⁶, возникает просто школа. Индивид обязательным планом занятий освобождается от опасности поиска своего пути. Без риска в свободе не может быть заложена основа возможности самостоятельного мышления. В результате остается виртуозная техническая специализация и, пожалуй, большие знания; решающим становится тип ученого, а не исследователя. То, что начинают считать это одним и тем же, является симптомом упадка.

Подлинная наука является *аристократическим занятием* тех, кто сам посвящает себя этому. Исконное желание знать, которое единственно предотвратило бы кризис науки, – свойство отдельного человека и осуществляется им на свой страх и риск. Теперь, правда, считается невероятным, если человек посвящает свою жизнь *научному* исследованию. Но это никогда и не было делом толпы. К науке причастен лишь тот, даже если он применяет ее как профессию на практике, кто по своей внутренней направленности является исследователем. Кризис науки – это *кризис людей, который охватил их*, когда они утратили подлинность безусловного желания знать.

Поэтому сегодня в мире установилось *искажение смысла науки*. Наука пользуется чрезвычайным признанием. Поскольку массовый порядок возможен только посредством техники, а техника – *только посредством науки*, в нашу эпоху царит вера в науку. Но так как доступ к науке возможен лишь посредством методического образования, а удивление перед ее результатами еще не есть причастность к ее смыслу, то эта вера является суеверием. Подлинная наука – это знание, в которое входит знание о методах и границах знания. Если же верят в результаты науки, которые знают только в качестве таковых, а не в связи с методом, посредством которого они достигнуты, то это суеверие в воображаемом понимании становится суррогатом подлинной веры. Содержание этого суеверия следующее: утопическая компетентность во всем, умение создавать и технически преодолевать любую трудность, благосостояние в качестве возможности общего существования, демократии как справедливого пути для всех к свободе посредством решения большинства, вообще вера в положения рассудочного мышления как догмы, которые считаются абсолютно правильными. Силе того суеверия подчиняются почти все, в том числе и ученые. Иногда она в отдельном случае как будто преодолевается, но

⁶ Осмелюсь быть мудрым (лат.).

сразу же появляется опять; это суеверие разверзает бездну между человеком, который подчинился ему, и критическим разумом подлинной научности.

Научное суеверие легко оборачивается во враждебность науке, в суеверие, которое ждет помощи от сил, отрицающих науку. Тот, кто в своей вере во всемогущество науки заставил молчать свое мышление перед лицом сведущего человека, знающего и указывающего, что правильно, разочарованно отворачивается при неудаче и обращается к шарлатану. Научное суеверие родственно мошенничеству.

Суеверие, противостоящее науке, принимает, в свою очередь, форму науки в качестве подлинной науки в отличие от школьной науки. Астрология, изгнание болезней заклинаниями, теософия, спиритизм, ясновидение, оккультизм и прочее привносят туман в нашу эпоху. Эта сила сегодня встречается во всех париях и мировоззренчески выраженных точках зрения; она дробит повсюду субстанцию разумного бытия человека. То, что столь немногие люди обретают – вплоть до их практического мышления подлинную научность, есть явление исчезающего самобытия. Коммуникация становится невозможной в тумане этого, вносящего сумятицу, суеверия, уничтожающего возможность как подлинного знания, так и действительной веры.

Ф и л о с о ф и я. Ситуация философии характеризуется сегодня тремя неопределенными видами действительности: эпоха создала людей, *лишенных веры*, внедренных в аппарат; *религия*, прочно переданная церковным организациям, все-таки не находит больше в них творческого выражения, которое исходило бы из своего настоящего; *философия* за последнее столетие, по-видимому все больше превращается в учение и историю, теряет свое значение.

Неверие в мире технической аппаратуры выглядит как обвинение. Великолепные достижения человека, которые позволили ему заключить природу в нужные формы, привели с увеличением масс к душевной вялости бесчисленных людей, обвинить которых лично перед действительностью истоков их жизни и хода их жизни не посмеет никто. Однако если спросят, должны ли люди в своем большинстве отупеть на службе этому аппарату, то ответ может быть один: единственный путь – дальнейшее движение в рамках аппарата и усилия спастись, пребывая в нем. Ведь и неверующий не становится просто рабочей скотиной, но остается человеком. Именно поэтому для него самого ошутимо, что все стало мутным. Остается только слепая воля к изменению обстоятельств и самого себя. Готовность к этому растет, ибо человек не может не верить. В мире неверия кое-кто еще сохраняет в доброй воле данную ему возможность; но начатки гибнут в своем возникновении, если человек лишен традиции и зависит лишь от самого себя. Однако ни план, ни организация не достигнут того, на что способен лишь сам осуществляющий свою волю человек.

В ложной ясности, созданной сознанием массового обеспечения в качестве сознания того, что все вещи могут быть сделаны, утеряно необоснованное внутренне присутствие далекого безусловного, которое до сих пор было в своем историческом образе действительным в *религии*. Историческая основа человеческой

экзистенции стала как бы невидимой; религия, правда, продолжает существовать, управляемая церквами и вероисповеданиями, но в массовом существовании часто — только как утешение в беде, как привычка к упорядоченному образу жизни, редко — как действенная жизненная энергия. Наряду с действенностью церкви как политической силы религиозная вера отдельного человека встречается все реже. Великие традиции церковей часто выглядят сегодня в своей осознанности как восстановление собственного невозвратного прошлого при широком использовании всех современных идей. Церковь все менее охотно склонна терпеть самостоятельность независимого человека. В ней нет больше подлинной силы авторитета и свободы, но есть способность к решительному исключению самостоятельности в громадной концентрации ее духовного аппарата для господства над массовой душой и наполнении ее определенным содержанием.

Философское мышление испокон веку способствовало проникновению сознания в глубочайшие основы человеческого бытия, оно секуляризировало религию и сделало действительностью независимость свободного индивида. Человек не потерял основу, она лишь глубже освещалась в своей историчности. Сомнительной эта действительность индивида оставалась лишь потому, что этот свет мог угаснуть и опустеть в чистом сознании, лишенном экзистенции. А в самом деле со второй половины XIX века, традиционная философия стала повсюду делом университетов, которые все реже являли собой общество философски мыслящих людей, сформировавших себя, исходя из собственных истоков, и передавших в виде мыслей то, что они осознали. Философия была оторвана от ее основы и утратила ответственность за возможность созданной ею действительной жизни, стала в качестве учения второстепенным явлением. Она пыталась оправдать свое существование перед лицом признанных, фактически превосходящих ее наук, определяя себя как чистую науку и пытаясь под именем теории познания утвердить как свое значение, так и значение наук. Фактически, несмотря на видимость ее значения в настоящем, она свелась к знанию ее истории. Но это было в большинстве случаев не столько проникновением в ее истоки, сколько оперированием принципами, проблемами, мнениями и системами. Будучи внешне филологической, внутренне рациональной, без какого-либо отношения к собственному существованию индивида, она продолжала свою достойную, благодаря унаследованной традиции строгого мышления, деятельность в школах, которые, несмотря на жаркую полемику в литературе, по существу, не отличались друг от друга (называясь идеализмом, позитивизмом, неокантианством, критицизмом, феноменологией, теорией действительности). То, что они обычно не знали Кьеркегора, не признавали Ницше философом, объявляя его поэтом и тем самым устраняя исходящую от него опасность, и тем не менее говорили о нем, хотя и отвергая его как ненаучного модного мыслителя, неспециалиста, служит характерным симптомом их беспомощности. Они превращали радикальные философские вопросы в безопасные для себя.

Подобная философия, не отвечающая поставленным перед ней требованиям, широко распространилась, но растворилась в хаосе. Перед ней стояла величайшая

задача. Только в ней мог человек, неспособный больше жить в соответствии с церковной верой, удостовериться в своем собственном волеии. Правда, на того, кто остается верным трансценденции в образе христианской веры, никто не смеет нападать, если только он не становится нетолерантным. Ибо в верующего можно привести только разрушение; он может быть открыт философствованию и готов испытать распространяющееся и на него неустранимое в человеческом существе сомнение, однако он обладает позитивностью бытия в историческом образе, она служит ему выходом и мерой, которые неминуемо приводят его к себе. Об этой возможности мы здесь говорить не будем. Сегодня неверие, распространяющееся как поток, прочно связано с нашим временем. Следует задать вопрос, возможна ли вообще вера вне религии. В постановке такого вопроса возникает философствование. Смысл философствования заключается сегодня в том, чтобы увериться, исходя из собственной основы, в своей независимой вере. Предшественниками, указующими путь, являются Бруно, Спиноза, Кант. Там, где религия утрачена, – она может быть только церковной, называть же что-либо другое религией не более чем бескомпромиссный обман – существует либо фантазия и фанатизм суеверия, либо философствование. Но последнее есть вера лишь на основе своего понимания себя и благодаря ему; мыслящая философия стремится систематически доводить эту веру до ясности и связно сказать то, что действительно может быть узнано лишь в экзистенции, а не во всегда склонном оторваться от нее мышлении. Упомянутые фантазии не нуждаются в философии. Церковная религиозность может обойтись без нее, но может и искать ее, чтобы довести себя в своей сокровенности до полной ясности; церковная вера, как таковая, нуждается в своем существовании в качестве сообщества только в теологии. Философия же нужна индивиду как таковому, т.е. его свободе, пусть даже она с точки зрения теологии не более чем безумный риск, высокомерное притязание или иллюзия несчастных людей, отвергнутых Богом и неспособных найти спасение вне церкви.

Сегодня философия – единственная возможность для тех, кто сознательно не ищет пристанища. Она уже не занятие узких кругов; по крайней мере в качестве вопроса отдельного человека, спрашивающего, как ему жить, она – дело бесчисленно многих. Философия различных школ была бы оправдана, если бы она создавала возможность философской жизни. В данный момент она, рассеянная и рассеивающая, проявляется в кратких попытках и нигде не обладает целостностью.

Отсюда понятен и совращающий призыв, который мы уже долгое время слышим: *вернуться от сознания к бессознательности*, к призыву крови, веры, почвы, души, к историческому и бесспорному. Религию, поскольку в нее, в ее истинность больше не верили, возвышали в своем отчаянии, доводя ее до абсурда; будучи, по существу, неверующими, люди хотели насильственно верить, разрушив сознание.

Этот призыв обманывает. Человек для того, чтобы остаться человеком, должен пройти через сознание. Следует лишь продвигаться вперед. Плоское сознание, которое все представляет как доступное познанию знание и как достигаемую цель,

философствование должно преодолеть посредством ясного построения всех способов осознания. Нельзя больше прибегать к маскировке посредством отказа от сознательности, не исключая себя из движения в истории человеческого бытия. Сознательность стала для нас в нашем существовании условием, при котором может прорваться подлинное, утвердиться безусловное, станет возможным тождество с собственной историчностью.

Философствование стало основой подлинного бытия человека. Сегодня оно обретает свой характерный образ: человек, ввергнутый из субстанции стабильных условий в аппарат массового существования, пребывающий, утратив свою религию, в неверии, решительнее мыслит о собственном бытии. Из этого возникают типические, адекватные эпохе философские мысли. Первое уже не открывшееся божество, от которого все зависит, – не мир, который существует; первое – человек, который никогда не может удовлетвориться самим собой как бытием, но все время стремится выйти за свои пределы.

Как сегодня понимается человеческое бытие

Утративший безопасность человек сообщает облик эпохе, будь то в протесте своенравия, в отчаянии нигилизма, в беспомощности многих, не нашедших выхода, или в блужданиях и поисках, отказывающихся от конечной опоры и гармонизирующих соблазнов. Бога нет – таков всё растущий возглас масс; тем самым и человек теряет свою ценность, людей уничтожают в любом количестве, поскольку человек – ничто.

Аспект нашего мира в вынужденности его существовании и отсутствия опоры в его духовной деятельности, *не допускает больше бытия в умиротворённой связи с существующим*. Нарисованная нами картина может обескуражить; всё воспринимается пессимистически, люди отказываются вообще что-либо делать. Или же сохраняют, несмотря на это, оптимистическое сознание собственной радости существования, взирая на субстанциальное, которое встречается ещё и сегодня. Однако то и другое слишком просто. Они уклоняются от ситуации.

В самом деле требование ситуации к человеку кажется таковым, что удовлетворить его может только существо, превосходящее человека. Невыполнимость требований может соблазнить попыткой обойти его, считаться только с настоящим и поставить границы своим мыслям. Тому, кто считает, что всё в порядке, и доверяет ходу событий как таковым, мужество не нужно. Он вступает в ход вещей, который и без его содействия ведёт к благу. Его показное мужество не более чем уверенность в том, что человек не движется к бездне, где его ждёт гибель. Действительным мужеством обладает тот, кто в испытываемом страхе перед достижением возможного знает: достичь возможного может лишь тот, кто хочет невозможного. Только опыт, свидетельствующий о невыполнимости попыток выполнения, может осуществить то, что человеку задано сделать.

Сегодня человек не формируется, усваивая то, что идёт ему навстречу из традиции его мира. Отдаваясь только этому, он становится рассеян. Человек зависит от себя как единичного в новом смысле: он должен *сам помочь себе*, если уж он не свободен посредством усвоения всепроникающей субстанции, а свободен в пустоте ничто. Если трансценденция скрывается, человек может прийти к ней лишь посредством самого себя.

В наше время необходимость помочь самому себе приводит философствующего к необходимости понять, *как мыслится бытие человека. Прежние противоречия мировоззрений* – индивидуализма и социализма, либерального и консервативного, революционного и реакционного, прогрессивного и регрессивного, материалистического и идеалистического – больше непригодны, хотя они и используются повсюду как знамя или брань. Столкновение мировоззрений – будто их множество, из которых надлежит сделать выбор, – больше не является методом достижения истины для себя. Распространение на всё возможное видения и участия привело сегодня к необходимости, в которой существует лишь один *непреложный выбор*: либо ничто, либо абсолютная историчность собственной основы, которой доступна каждая возможность при сознании обязательной границы.

Однако *вопрос о бытии человека*, который должен вывести из догматической объективности фиксированных альтернативных мировоззрений, в качестве такового *отнюдь не однозначен*.

Человек всегда *больше того, что он знает о себе*. Он не одинаков во всех случаях, он есть путь; не только существование, установленное как пребывание, но и имеющаяся в нём возможность, даруемая свободой, исходя из которой человек ещё в своём фактическом действовании решает, что он есть.

Существование человека – не круговорот, просто повторяющийся в поколениях, и не *ясное*, открывающееся себе *существование*. Человек прорывается через пассивность постоянно вновь возникающих тождественных кругов, и от его активности зависит продолжение *движения к незнакомой цели*.

Поэтому человек *расщеплён* в глубине своей сущности. Как бы он ни мыслил себя, мысля, он противостоит самому себе и всему остальному. Все вещи он видит в противоречиях.

Каждый раз смысл становится иным. Расщепляется ли он как дух и плоть, как рассудок и чувственность, как душа и тело, как долг и склонность, противопоставляется ли его бытие и его явление, его деятельность и мышление, то, что он делает, и то, что он полагает делать. Решающее в этом то, что он всё время должен противопоставлять себя себе. Нет человеческого бытия без расщепления. Но он не может на этом остановиться. То, как он себя *преодолеывает*, составляет способ его проникновения в себя.

Существуют две возможности, которые здесь надлежит характеризовать:

Человек превращает себя в *предмет познания*. То, что он познаёт в опыте как своё существование, и то, что лежит в его основе, он считает своим подлинным

бытием. То, что он есть в явлении, есть его сознание; то, что есть сознание, есть посредством социальных условий, посредством бессознательного, посредством жизненного вида. Это другое для него бытие, сущность которого отражается в его явлении как сознание.

Смысл такого сознания в том, чтобы *снять напряжение* посредством отождествления бытия с сознанием. Представление о существовании как завершённом в состоянии отсутствия напряжения невольно представляется этому познанию достижимым: социальный порядок, в котором всем дано их право; душа неосознанности, которой сопутствует сознание, свободное от помех, если в нём устранены все комплексы; жизненность расы, которая после очищения посредством естественного отбора может считать себя здоровой и благородной, чтобы, сознавая своё превосходство, удовлетворённо завершаться в качестве существования. В этих условиях, которые в двойственном смысле именуется естественными, в качестве необходимым образом возникающих и в качестве истинных, больше нет безусловности временного существования: ибо безусловность возникает лишь в напряжении, в котором самобытие насильственно схватывает самого себя. Более того, подобное знание о естественном бытии человека обращается против самобытия как чего-то экстравагантного, болезненного, исключаящего себя, потерянного.

Однако именно этим путём идёт *вторая* возможность. Она *находит себя* в напряжении *пограничных ситуаций*, совершенно неустраняемых в существовании, которые становятся для неё открытыми в *решительности самобытия*. Если человек не познаётся более как бытие, которое он есть, он, познавая, приводит себя в состояние *неустойчивости абсолютной возможности*. В ней он слышит *призыв* к своей свободе, исходя из которой он лишь посредством себя становится тем, чем он может быть, но ещё не есть. В качестве свободы он *заклинает* бытие как его скрытую трансцендентность.

Смыслом этого пути является *трансцендентность*. В качестве существования в конце этого пути терпит крушение то, что собственно есть оно само. *Отсутствие напряжения* считается в этом понимании *путём обмана*, на котором в мнимом преодолении скрывается пограничная ситуация и устраняется время. Всякое познание в мире, в том числе, следовательно, и познание человека, есть частная перспектива, посредством которой для человека возникает пространство его ситуации. Поэтому познание находится в руке человека, который его схватывает. Однако сам для себя он нечто совершенно незавершённое и не допускающее завершения, переданное некоему другому. Мысля, он лишь освещает себе путь.

Из-за того что человек *во всём своём познании* ещё не находит себя *познанным* и вносит предметное познание в свой философский процесс, *он ещё раз прорывается*, на этот раз через самого себя. То, что он потерял, когда был полностью предоставлен самому себе, может вновь открыться ему в новом образе.

Лишь на мгновенное заблуждение в безнадёжности своего голого существования он считал себя тождественным происхождению всего как познающий. Стре-

мясь серьёзно понять самого себя, он обнаруживает опять то, *что больше, чем он*. В мире он вновь обращается к объективности, которая грозила застыть для него в безразличии или потеряться в субъективности; он схватывает в трансцендентности бытие, которое он в своей свободе, представляющейся ему явлением существования, смешивал с собой в качестве самобытия.

Обе эти возможности известны сегодня под наименованием учений; путаница происходит там, где они ещё не обрели прочной значимости, но волнуют сегодня человека как едва ли не необозримые способы выражения.

Познание человеческого бытия, которое устанавливалось в отдельных направлениях, стало в качестве *социологии, психологии, антропологии* типичными современными науками, которые в тех случаях, когда они, абсолютизируя, полагают, что познают бытие человека в целом, следует отвергнуть как безнадёжную попытку заменить философию. Лишь при ином понимании возникает философия, которая в качестве современной называется *экзистенциальной философией*. Она находит сегодня материал своего выражения в областях, которые в качестве познания человека одновременно ограничиваются и обеспечиваются ею. Однако она переступает через них в движении к самому бытию. *Экзистенциальная философия – это философия бытия человека*, которая вновь выходит за пределы человека.

1. Науки о человеке

С о ц и о л о г и я. Поскольку человек есть только в обществе, которому он обязан существованием, традицией и задачами, его природу следует изучать только посредством изучения общества. Отдельный человек кажется непонятным, но не общество. Не знание о человеке как отдельном индивиде, а знание об общественных образованиях приведут к его бытию. Общественные учреждения, культурные образования, составляющие человечество, являются аспектами бытия человека. Подобная социология существует в разнообразных разветвлениях.

Например, согласно *марксистскому* воззрению на вещи можно научно постигнуть бытие человека. Человек – результат его обобществления в качестве способа производства необходимых для осуществления вещей. В своих особенностях он – результат занимаемого им места в обществе. Его сознание – функция его социальной ситуации. Его духовность – надстройка над материальной действительностью данного способа обеспечения существования. Мировоззрения – идеологии для оправдания особых интересов в типической ситуации. Те, кто сообщаются в ней, называются классом. Классы видоизменяются вместе с изменением средств производства. В настоящее время есть два класса – рабочих и капиталистов. Государство является средством господства класса, который хочет подчинить себе другие. Религия для этих других – опиум, который их успокаивает и заставляет подчиняться угнетению. Однако такой результат классового различия

необходим в преходящий период развития производительных сил. В конце развития возникнет бесклассовое общество, в котором не будет идеологий, а поэтому не будет и религии, не будет государства, а поэтому и эксплуатации, а будет лишь единое человечество, общество, которое при справедливом строе в свободе всех будет заботиться о потребностях каждого. В историческом развитии человек движется к этой цели; она будет достигнута благодаря активной воле большинства, пока ещё незначительного, которое составляет авангард на пути к лучшему будущему. Человек постиг свою сущность и может теперь планировать и способствовать тому, что и само по себе необходимо должно наступить. Его бытие и его сознание не будут более разделены, а составят единство. Человек зависел, не зная этого, от создаваемых им вещей. Теперь он станет господствовать над ними, взяв в свои руки всё своё существование благодаря научному постижению своего неизбежного развития. Вместо того чтобы подчиняться государству или церкви, он схватывает то, что он есть, подчиняясь классу, который станет истоком свободного, бесклассового общества, классу пролетариев.

Это воззрение является не научным познанием, а рассудочной верой, которая избегает вопроса, не есть ли оно также идеология класса, характеризующаяся лишь брутальностью своей веры. Если вера ослабевает, из неё сразу же возникает представление, которая объявляет идеологией любую возможную позицию, не желая понимать ничего, что не исходит из его собственных предпосылок. Всё относительно, ничто не есть оно само, кроме материальных интересов и влечений людей. Подобная теория в самом деле ничего больше не постигает и выражает только веру в ничто, применяя ко всему происходящему лишь свои этикетки.

Однако марксизм является лишь наиболее известным примером социологического анализа. В подобных исследованиях даны определённые частные и относительные познания; но они служат вместе с тем *выражением духовной борьбы за способы бытия человека*. Общим признаком их является абсолютное утверждение бытия. При таких меняющихся предпосылках аргументы могут быть любыми и любым образом противопоставляться друг другу. Человек, как таковой, всегда исчезает в подобном мнимом знании.

Решающий, обосновывающий знание как знание и поэтому освобождающий человека шаг делается тогда, когда в данной исторической ситуации смысл объективного познания резко различается от выражения воли не только в теории, но становится и в жизни целью радикальных действий. Этот шаг сделан в наше время Максом Вебером.

Для него *социология – уже не философия человеческого бытия*. Она является *отдельной наукой о поведении человека и его следствиях*. Доступные познанию связи для него относительны; он знает, что величина каузального фактора никогда не может быть измерена в бесконечном переплетении исторической действительности: картина целого может быть только аспектом в предметном созерцании, а не знанием действительного целого. Это релятивистское познание не затрагивает человека как его самого. Для него воззрения становятся

возможностями и границами; он постигает познаваемое своей ситуации в существовании, но он не возвышается до известного и доступного знания. Согласно этой позиции, возможные воззрения должны быть охвачены в их относительности и присутствовать там, где что-либо совершается с должной ответственностью; но она запрещает возлагать ответственность на догматическое знание как на объективную правильность и требует понимания опасности и риска подлинного действия в мире.

Психология. Раньше психология была звеном в мыслимом строении существования. Она предлагала конструктивно, исходя из метафизических принципов, схему элементов и душевных сил, иллюстрируя её повседневными наблюдениями или рассказами об удивительных событиях. В XIX веке она стала собранием физиологических и психологических утверждений, в силу необходимости соединённых теориями лежащего в их основе бессознательного. Разделённая на тысячи безразличных данных, всё больше растворяясь в ничтожестве экспериментального исследования, она, в конце концов, превратилась лишь в подобие науки. Новая глубина в ней открылась в экзистенциально-философском мышлении Кьеркегора и Ницше. К этому присоединились неожиданные эмпирические открытия в области психологии животных и психопатологии. Психологическое истолкование всех вещей стало господствовать в романах и драмах.

Не оказалось исследователя, который в путанице учений и фактов, мировоззренческих импульсов и объективного исследования, описаний процесса сознания и спекуляций о бессознательном, в психологии, лишённой души и призраков души, разрешил бы эту путаницу и поставил бы всё доступное знанию во внутреннюю связь, методически разграничив эмпирическое, объективно обязательное и относительное.

Общим достоянием нашего времени психология стала, приняв характерный для сегодняшнего дня облик *психоанализа Фрейда*⁷. Если заслугой психоанализа является то, что в сфере внимания оказались не замечаемые ранее в психопатологии факты, то недостаток его состоит в том, что эти факты не были безупречно определены, несмотря на громадную литературу, до сего дня отсутствует действительно удовлетворительная и убедительная казуистика. Она держится области вероятного, которое на мгновение действительно может показаться решающим, но смысл и действие которого не могут быть ограничены неискушёнными людьми.

Психоанализ коллекционирует и толкует сны, ошибочные действия, невольные ассоциации, стремясь проникнуть в глубины бессознательного, определяю-

⁷ Психоанализ Фрейда – метод психотерапии и психологическая теория, разработанная З. Фрейдом (1856 –1939), выдвигающая в качестве основы объяснения неврозов бессознательные психические процессы и мотивации. От психоанализа следует отличать фрейдизм – попытку сделать из психоаналитических конструкций универсальную философскую теорию для объяснения культуры. Ясперс резко критиковал фрейдистские интерпретации и требовал четкого осознания границ психоаналитической методологии.

щего сознательную жизнь. Человек является марионеткой бессознательного; осветив его, он станет господствовать над ним. В бессознательном коренятся основные влечения, которые объединяются в качестве либидо и рассматриваются прежде всего как эротическое влечение. К ним присоединяется влечение к власти, к значимости и, наконец, к смерти. Учение никогда не становятся едиными, даже эвристически, на мгновение, чтобы исходя из этого двигаться вперёд, ясно поставив вопрос, и таким образом решить что-либо исследованием. Их создатели ссылаются на то, что они эмпирики, повторяя при наличии безграничного материала год за годом, по существу, одно и то же. Истинная саморефлексия, достигшая после длительного развития в рамках христианства вершины у Кьеркегора и Ницше, здесь искажена для открытия сексуальных желаний и типичных переживаний детства; это – маскировка подлинной опасной саморефлексии простым обнаружением известных типов в их мнимой неизбежности, которая абсолютизирует человеческое существование в его неизменных проявлениях.

Так соединяется пригодное для того, чтобы показать растерянной массе, что такое человек. Инстинкт, требующий утверждения человека в его слишком человеческом, находит непреднамеренное удовлетворение. Это учение используется для самооправдания существования в его фактической действительности; подлинной действительностью становятся либидо и другие влечения, подобно тому как в марксизме таковыми являются материальные интересы. Они в самом деле присутствуют, но всё дело в том, чтобы провести их подлинную границу и рассматривать их в человеческом бытии как другое. Молчаливо допускаемое следствие психоанализа сводится к тому, чтобы их измышлять, а сделать осязаемым идеал, посредством которого человек не приходит через напряжение и насилие, как это было бы возможно, к самому себе, а возвращается к своей природе, и ему уже больше не нужно быть человеком.

А н т р о п о л о г и я. Антропология занимается человеком, как она его видит в его изначальной сущности. Её цель – не общечеловеческая психология, а типическое бытие человека как специфическое бытие индивидуального характера. Антропология становится одним из средств схватить неповторимое в его жизненности – *тип строения тела, расы, характера, культуры душевной жизни.*

В отличие от идеализма, который видит в изображении лишь дух без действительности, и в отличие от материалистического понимания истории, которая превращает человека в функцию, антрополог полагает, что видит бытие самого человека.

Антропология является агломератом, связанным основным понятием расы. *Физическая антропология* изучает тело, его строение и функции в фактических видах, распространённых на земле. Она точно фиксирует его облик посредством измерений и других наблюдений. Однако телесность человека становится релевантной для знания о бытии человека лишь тогда, если она понимается как физиогномическое выражение его сущности. *Понимание выразительности* –

подлинный источник антропологии в той мере, в которой она направляет своё внимание на бытие человека. От физиогномики и мимики через графологию к морфологии культуры проходит методически аналогическая позиция – интуитивно понимающее видение бытия, проявляющегося в объективности форм тела, в фиксированном в почерке движении, в творениях и поведении людей и народов.

В значительных в некоторой своей части произведениях, в которых это антропологическое видение достигло конкурентного сообщения, принудительное объективное знание и возможное интуитивное понимание данного таким образом выражения настолько тесно связаны, что значимость одного внушает читателю значимость другого. Проводятся измерения, но то, что действительно видят, не допускает каких бы то ни было измерений и фиксирования в цифрах. Сообщаются факты, но они ещё не отражают смысла, который полагается в них как само собой разумеющийся. Ибо видение выражения не становится обязательным знанием; оно остаётся возможностью и само является выражением сущности того, кто таким образом видит. В выражении ему является не просто данность природы, но бытие свободы.

Антропологическое понимание вбирает в себя возможности духовного видения, чтобы схваченное таким образом сразу же принизить до натуралистического бытия. Его мышление подчинено масштабу жизненной деятельности, категориям роста и гибели; его произвольная предпосылка сводится к тому, что человек может ухаживать, воспитывать, создавать, вмешиваться. Многообразие человека для неё – не явление экзистенции в её существовании как историчность и судьба.

Импульсом этой антропологии не являются поиски оправдания среднего, обычного. Напротив, в этом мышлении царит *любовь к благородному облику человека* и ненависть к неблагородному. Возникают аспекты человека в качестве образцов и противоположного им. Типы – то, чем я сам хотел бы быть или которым бы хотел противостоять. Типы народов, профессий, строений тела различаются объективно, однако так, что это различие всегда исходит из тайной любви или антипатии.

Другим импульсом служит желание *познать себя в богатстве возможного*. Себя видят по-новому, и жажда наблюдения над людьми становится ненасытной. Устраняются различия профессий, партий, народов, чтобы привести в ближайшее соприкосновение людей в наибольшей степени отдалённых друг от друга. Познаётся родство, которое затем объективируется в образах высших рангов.

Однако эти методы, которые как будто приближаются к экзистенциальной философии, отделены от неё бездной в тех случаях, когда они абсолютизируются в познание бытия. Ибо в них действует импульс – *упростить собственное бытие*; из бытия свободы оно превращается в данное бытие, которое таково, в бытие как расу. Склонность считать себя по своему бытию благороднее или, чувствуя себя ниже, отказываться от требований к себе, парализует свободу, превращая её в природную необходимость.

В социологии, психологии и антропологии мы каждый раз уделяли внимание одному примеру. Ибо марксизм, психоанализ и расовая теория являются сегодня самыми распространёнными маскировками человека. В них находит своё выражение то прямолинейно грубое в ненависти и восхвалении, которое стало господствовать вместе с утверждением существования масс: в марксизме это требование массой общности; в психоанализе – то, как она ищет одного только удовлетворения потребностей существования; в расовой теории – то, как она хочет быть лучше других.

В них присутствует истина, но она не открыта в своей чистоте. Каждый из нас однажды испытал обаяние "Коммунистического манифеста"; благодаря ему получено новое понимание возможных каузальных связей между экономикой и обществом; каждый психопатолог знает, что психоанализ открыл нечто, то, что в расе не постигнуто даже как понятие, вероятно, окажется чем-то, что окажется решающим для будущего всего человечества в его предпосылках, однако что это и каково то, что здесь затронуто, не становится ясным. Наиболее релевантны выросшие из марксизма отдельные взгляды.

Без социологии нельзя заниматься политикой. Без психологии никто не сможет справиться со сложностями ни в самом себе, ни в отношениях с другими. Без антропологии было бы утрачено сознание тёмных глубин того, в чём мы даны себе.

В каждом данном случае значение познания ограничено. Ни одна социология не скажет мне, что я хочу в качестве своей судьбы, ни одна психология не объяснит, что я такое; подлинное бытие человека не может быть осознано как раса. Повсюду всё то, что может быть осознано как раса. Повсюду всё то, что может быть запланировано и создано, ограничено.

Знания, правда, служат импульсом для того, чтобы оперировать ими и способствовать желаемому ходу существования. Но человек может истинно быть лишь в том случае, если он отличает действительное знание от простой возможности. Теория диктатуры пролетариата, психотерапевтические предписания психоанализа, указания теоретиков по улучшению расы являются при неопределённом содержании насильственными требованиями, которые уже в начале их осуществления оказываются совершенно другими и действуют иначе, чем предполагалось.

Ибо в марксизме, психоанализе и расовой теории заключены, собственно говоря, *разрушающие свойства*⁸. Если марксизм считает, что всё духовное существование не более чем надстройка, то психоанализ определяет его как сублимацию вытесненных влечений; в этом случае то, что называют культурой, становится чем-то вроде насильственного невроза. Расовая теория ведёт к безнадёжности в понимании истории; негативный отбор лучших быстро привёл бы к уничтожению подлинного бытия человека; или в сущности человека заключено,

⁸ Объединение Ясперсом столь различных по содержанию, направленности и сфере влияния теорий представляется неоправданным, поскольку выделенное им в качестве критерия объединения свойство "разрушения личности", с одной стороны, неоднозначно, с другой – слишком широко.

что в процессе расового смешения он достигает своих высших возможностей, чтобы после завершения этого смешения в течение нескольких столетий допустить уходящее в бесконечность бессильное усреднённое существование остаточных следов своей расы.

Все три теории способны уничтожить то, что ценно в человеке. Они прежде всего разрушают безусловное, поскольку они в качестве знания выступают как ложное безусловное, которое считает всё остальное обусловленным. Отрицается не только божество, но и любой образ философской веры. Как наивысшее, так и самое низкое обретают одинаковую терминологию, чтобы, обрета приговор, двигаться в ничто.

Эти три теории уверены в смене времён; то, что есть, должно быть разрушено, чтобы выросло неизвестное новое или чтобы ничего не осталось. Новое для них господство интеллекта. Коммунизм, Фрейд, расовая теория измышляют, каждый по-своему, свой идеал, но идеал такого будущего, в котором значимы рассудок и реальность, а не иллюзия и божество. *Они обращаются против каждого, кто во что-то верует, и разоблачают его по-своему.* Они ничего не доказывают, а лишь повторяют относительно простые толкования. Опровергнуть их невозможно, поскольку они сами являются выражением веры; они верят в ничто и в своей вере своеобразно фанатически уверены в догматике образов бытия, которыми они маскируют для себя своё ничто: есть два класса... эти влечения и их превращения... эти расы... Отдельные представители этих теорий могут в действительности верить в совсем иное и сами не понимать себя. В смысле этих теорий как таковых заключено описанное следствие.

2. Экзистенциальная философия

Социология, психология и антропология учат рассматривать человека как объект, который следует изучить на основании опытных данных, позволяющих модифицировать его посредством ряда мероприятий; таким образом можно в самом деле узнать кое-что о человеке, но не самого человека; человек же как возможность своей спонтанности противится пониманию его как результата. Для индивида совсем не обязательно быть тем, чем его конструирует социология, психология и антропология. Он эмансипируется от того, что науки стремятся как будто окончательно понять в нём; он рассматривает действительно познаваемое как частное и относительное. Выход за границу познаваемого в догматическом утверждении бытия он постигает как обманчивый суррогат философствования; когда хотят бежать от свободы, оправдания ищут в видимости знания о бытии.

Специфическое объективное знание о вещах и о себе как существовании человеку необходимо для его деятельности в любой ситуации и во всех профессиях. Но объективного знания всегда недостаточно. Ибо оно становится осмысленным лишь посредством того, кто им обладает. Лишь моё собственное воление определяет, как я это знание использую. Самые лучшие законы, самые замечательные учреждения, самые верные результаты знания, самая действенная техника

могут быть использованы в противоположном смысле. Они становятся ничем, если люди не наполняют их содержательной действительностью. Поэтому то, что действительно происходит, может быть изменено не улучшением объективного знания, но посредством бытия человека; истоком того, что он совершает, служит его внутреннее отношение, способ того, как он осознаёт себя в своём мире, содержание того, что его удовлетворяет.

Экзистенциальная философия есть использующее всё объективное знание, но выходящие за его пределы мышления, посредством которого человек хочет стать самим собой. Это мышление не познаёт предметы, а проясняет и выявляет бытие в человеке, который так мыслит. *Приведённое к парению* посредством выхода за пределы всего фиксирующего бытие познания мира (в качестве философской ориентации в мире) оно *апеллирует* к своей свободе (в качестве прояснения существования) и создаёт пространство для своей безусловной деятельности в *заклинании* трансценденции (в качестве метафизики).

Эта экзистенциальная философия не может обрести законченного выражения в каком-либо произведении или окончательного завершения в существовании какого-либо мыслителя. Свои истоки и одновременно ни с чем не сравнимое расширение она обрела у Кьеркегора. Кьеркегор, который в своё время стал сенсацией в Копенгагене, затем был вскоре забыт, получил большую известность незадолго до начала первой мировой войны, но оказал значительное воздействие лишь в наше время. Шеллинг вступил в своей поздней философии на путь, на котором совершил экзистенциальный прорыв в немецком идеализме. Однако так же, как Кьеркегор, напрасно искавший метод сообщения и пытавшийся найти выход в технике псевдонимов и в "психологическом экспериментировании", Шеллинг похоронил свои подлинные импульсы и видения в им самим созданной идеалистической систематике, которой он в юности держался и не мог преодолеть. В то время как Кьеркегор сознательно занимался самой глубокой философской проблемой, проблемой сообщения и, стремясь к непосредственному сообщению, пришёл к поразительно неудачному результату, который тем не менее потрясает каждого читателя, Шеллинг как бы пребывал в бессознательности и может быть открыт, только если идти к нему от Кьеркегора. Из другого корня, не зная обоих мыслителей, вступил на путь экзистенциальной философии Ницше. Англосаксонский прагматизм⁹ служил как бы предварительной ступенью. Разрушив традиционный идеализм, он заложил как бы новую основу; однако то, что он вслед за тем построил, можно в качестве агломерата плоского анализа существования и дешёвого жизненного оптимизма считать не более чем выражением слепого доверия к нынешней путанице.

⁹ Англосаксонский прагматизм как предварительная ступень экзистенциализма. Прагматизм – философское учение, рассматривавшее значение понятий и суждений в терминах практических последствий основанного на них действия, успешность которого является единственным критерием истинности. Его развивали англоязычные американские философы. Прагматизм был первой философской системой, субъективизировавшей истину, что было перенято европейским экзистенциализмом.

Экзистенциальная философия не может найти решение; она способна стать действительной только в многообразии мышления каждый раз из истоков в общении от одного к другому. Она пришлась ко времени, но уже сегодня видна скорее её неудача и подчинение сумятице, которая превращает всё, что появляется в мире, в несвоевременный шум.

Экзистенциальная философия сразу же *погибла бы*, если бы она *считала, что обладает знанием того, что есть человек*. Она вновь стала бы заниматься исследованием человеческой и животной жизни в ее типах, стала бы антропологией, психологией, социологией. Смысл ее сохраняется только в том случае, если она в своей предметности остается безосновной. Она пробуждает то, чего не знает; проясняет и волнует, но не фиксирует. Для человека, который находится в пути, она служит выражением, посредством которого он сам опирается на себя в принятии направления, средством сохранить возвышенные моменты для осуществления посредством своей жизни.

Экзистенциальная философия может снизиться до простой *субъективности*. Самобытие может быть неправильно понятым как бытие и солипсически замыкающееся в себе в качестве существования, которое хочет быть лишь таким. Подлинная экзистенциальная философия апеллирующе вопрошает, благодаря чему человек пытается сегодня вновь прийти к самому себе. Поэтому понятно, что она есть лишь там, где за нее борются. При вносящем путаницу смешении с социологическим, психологическим и антропологическим мышлением она попадает лишь в софистический маскарад. Тогда ее либо бранят, называя индивидуализмом, либо используют в качестве оправдания личного бесстыдства, и она становится опасной почвой истерического философствования. Но там, где она сохраняет подлинность, там только она и может создать ощущение для явления подлинного человека.

Экзистенциальное просветление, поскольку оно беспредметно, не дает результата. Ясность сознания содержит требование, но не дает выполнения. В качестве познающих нам приходится удовлетвориться этим. Ибо я не есть то, что я познаю, и не познаю то, что я есть. Вместо того чтобы познать мою экзистенцию, я могу только ввести процесс прояснения.

Познанию человека наступил конец, когда было постигнуто, что его граница находится в экзистенции. В экзистенциальном прояснении, которое выходит за пределы этого познания, остается неудовлетворенность. На почве экзистенциального прояснения следует еще раз вступить в новое измерение, когда делается попытка обратиться к метафизике. Создание *метафизического предметного мира* или возможность открыть истоки бытия – ничто, если они отделены от экзистенции. Она с психологической точки зрения лишь создана, состоит в образах фантазии и в своеобразно волнующих мыслях, в содержании рассказов и конструкциях бытия, которые для каждого пытающегося схватить их значения сразу же исчезают. В ней человек обретает покой или ясное понимание своего

беспокойства и грозящей ему опасности, когда перед ними как будто спадает пелена с подлинно действительного.

В наше время подступы к метафизике экзистенциально столь же запутаны, как и все философствование вообще. Однако ее возможность стала, быть может, чище, хотя и уже. Поскольку необходимое опытное знание теперь ни с чем спутать нельзя, метафизика как научное знание больше невозможна и должна быть постигнута в совсем ином направлении. Поэтому она стала опаснее, чем раньше, ибо она легко уводит либо в суеверие, отрицая науку и истинность, либо в беспомощность, которая больше ни во что не верит, поскольку она хочет, но не может знать. Только тогда, когда эта опасность на почве экзистенциальной философии будет увидена и преодолена, станет возможной идея свободы в схватывании метафизического содержания. То, что тысячелетия показывали человеку в трансцендентности, может вновь заговорить, после того как оно будет усвоено в измененном облике.

.....

2. Самобытие в условиях времени

Характер бытия человека – предпосылка всего. Можно наилучшим образом наладить действие аппаратов; но если отсутствуют люди в качестве таковых, ничего достигнуто не будет. Может показаться необходимым, чтобы человек не погряз в желании просто продолжать существование, поставить его в его сознании перед ничто: пусть он вспомнит о своем изначальном состоянии. Если в начале его исторического пути его физическому существованию угрожали силы природы, то теперь его сущности угрожает собственный, созданный им мир. На другом уровне, отличающемся от неизвестного начала его становления, вновь встает вопрос обо всем.

Существование в настоящем, в радости жизни, так же как и отчаянная решимость устоять перед лицом ничто, спасти его не могут. То и другое, правда, необходимо как минутное прибежище при неудаче, но их недостаточно.

Для того, чтобы быть самим собой, человек нуждается в позитивно наполненном мире. Если этот мир пришел в упадок, идеи кажутся умершими, то человек будет скрыт от себя до тех пор, пока он в своем созидании не обретет в мире вновь идущую ему навстречу идею.

В самобытии человека начинается то, что лишь затем осуществляется в мире. Когда в бездушном существовании мир как будто становится безнадежным, в человеке сохраняется то, что в данный момент вернулось к чистой возможности. Если сегодня в отчаянии спрашивают, что же еще осталось в этом мире, то каждому следует ответить: то, что ты есть, потому что ты можешь. Духовная ситуация требует сегодня сознательной борьбы человека, каждого человека за его подлинную сущность. Он должен устоять в этой борьбе или быть побежденным, и это зависит от того, насколько он уверен в основе своего бытия в действительности своей жизни.

Настоящий момент выступает как самое трудное, невыполнимое требование. Теряя в кризисе мир, человеку надлежит, исходя из имеющихся у него предпосылок, вновь создать свой мир из первоначала. Перед ним открывается высшая возможность его свободы; ему надлежит либо в невозможности ухватить ее, либо погрузиться в ничтожество. Если он не последует путем самобытия, то останется своевольно наслаждающимся своим существованием в неотвратимости аппарата, против которого он больше не будет обороняться. Он должен, исходя из собственной независимости, овладеть механизмом своего существования или, превратившись в машину, покориться ему; он должен осуществить в коммуникации связь самости с самостью, сознавая, что здесь все решается в верности или неверности; в противном случае он окажется в бездушной покинутости своего существования просто функцией. Он должен подойти к границе, чтобы ощутить свою трансцендентность, или быть опутанным просто дающим себя бытием вещей мира. К нему предъявляются требования, будто он титан; он должен их признать и установить, что ему удастся в становлении его самости, или же, если он их отвергнет, ему придется вести существование, в котором он не будет, по существу ни человеком, ни животным.

Жалобы на то, что от человека ждут слишком много, что изменены должны быть обстоятельства, не помогут. Ибо лишь из способа самобытия вырастает подлинное воздействие на обстоятельства. Если я жду от изменений обстоятельств того, чем я могу быть из самого себя, я предаю собственные возможности. Я уклоняюсь, передавая другому то, что могло бы зависеть от меня, если я сам становлюсь таким, каким я должен быть.

Против мира или в мир. Первым актом пробуждающегося внимания человека является то, как он относится к миру. Самобытие есть то, что из бытия против мира вступает в мир.

Первый путь ведет из мира к *одиночеству*. Самобытие, которое в своем негативном решении, в своем отказе от себя не устремляется к бытию мира, изнуряет себя в возможности. Оно говорит лишь для того, чтобы ставить под вопрос. Его атмосфера – создание беспокойства. Этот путь Кьеркегора, неизбежный при переходе, стал бы неистинным, если бы человек в собственной твердости допускал беспокойство других. Кто занимает какую-либо должность, осуществляя в жизни положительную деятельность, кто выступает, обучая, у кого есть семья, кто живет в мире релевантного ему исторического и научного знания, тот отверг путь негативного решения, отказа от мира. Он не может стремиться к тому, чтобы другие лишились почвы под ногами, не показав им почвы, на которой он сам стоит.

Второй путь ведет в *мир*, но лишь через возможность первого пути. Ибо философствующее самобытие не может находиться в своем мире с не ведающей сомнения удовлетворенностью.

Сегодня, когда поглощение всего существования аппаратом стало необратимым, когда существование протекает в учреждениях и на предприятиях и

большинство людей являются рабочими и служащими, бессмысленно стремиться зависеть только от себя в своей профессии и в обеспечении средств на жизнь. Участие в союзе, основанном на общности интересов и защищающем существование человека, работа, направленная на достижение поставленных извне целей и условий, стали неотвратимыми. В некоторых областях еще есть следы относительной независимости, идущей из прошлого, их следует сохранять всюду, где они обнаруживаются как драгоценные возможности несовременного типа, которые могут показать нам бытие человека в его незаменимости, однако почти ко всем предьявляется неумолимое требование: работать на предприятии или погибнуть. Вопрос состоит в том, как жить.

Соблазняет двоякая *возможность просто противопоставить себя миру*. Однако действительно пойти на это может лишь тот, кто сам приговаривает себя к крушению всякого существования. Если же он пытается, используя благополучную экономическую ситуацию, обособиться от мира и сохранить полную независимость, то погрузится в пустоту, в которой все-таки останется в плену у мира; он теряет истину в бегстве из мира, от которого он, порицая его, уходит, чтобы в своем отрицании все-таки остаться бытием.

Действительность мира невозможно игнорировать. Ощутить суровость действительности – единственный путь, который ведет к себе. Быть действительным в мире, даже если поставить достигнутой цели невозможно, остается условием собственного существования. Поэтому это заключается в том, чтобы жить вместе с другими внутри аппарата власти, не давая ему поглотить себя. Значение предприятия, при ограниченности необходимым, состоит в том, чтобы, обеспечивая жизнь всех, одновременно служить сферой деятельности отдельного человека; он делает то, что делают все, и это создает для каждого возможность существования. Однако это такой работы включает в себя страх перед самобытием.

Деградация сферы труда в нечто относительное как будто убивает желание приложить свою силу; однако экзистенция человека в том, чтобы суметь выдержать это отрезвление, не теряя воли к деятельности. Ибо самобытие возможно лишь в напряжении, которое, вместо того чтобы просто сопоставить две сферы жизни, пытается исходя из одной выразить другую, не утверждая возможность общезначимого образа соединения в качестве единственной возможности правильной жизни для всех. Это – как бы жизнь на крутой вершине, с которой я сорвусь либо в сферу предприятия, либо в лишенное действительности существование вблизи него.

Смысл вступления в мир становится содержанием философствования. Философия не является средством, еще менее того – волшебным средством, она – сознание в осуществлении. Философствование – это мышление, посредством которого или в качестве которого я деятелен в качестве самого себя. Оно являет собой не объективную значимость знания, а сознание бытия в мире.

Технический суверенитет, изначальное желание знать, безусловные связи.

Вступление самобытия в его мир можно наблюдать в ряде возможных направлений. Путь ведет от технического через изначальное желание знать к безусловным связям.

а) Повседневная возможность технического мира ставит передо мной требование владеть ею в доступной мне сфере. Отношение к вещам преобразилось; отодвинутые вдаль, они превращаются в своем безразличии в заменяемую функцию. Техника отделила человека от *непосредственного присутствия*. Новая задача заключается в том, чтобы посредством технического осуществления вновь достигнуть непосредственного присутствия человеческого бытия во всех вещах мира; новые предпосылки выросших возможностей должны быть принуждены служить нам. Рационализация жизненных средств вплоть до деления времени и экономии сил должна внутренне восстановить в каждой возможности полностью присутствовать: в размышлении, в ожидании созревания, в действительной близости к вещам, которые принадлежат ему. Новая возможность заключена не просто во внешне уверенных действиях в области целесообразного машинного осуществления материальных условий существования, но в свободе, превосходящей все материальные вещи.

Там, где *завоевывается* техника, энтузиазм человека проявляется в открытиях, превращающих его в инициатора изменения мира, как бы во второго строителя мира; это – привилегия тех, кто прорывается к границе достигнутого.

Там, где *используется* техника, уместно спокойствие в ограничении необходимым, строжайшая экономия времени, отсутствие спешки и без расточительства. При оглушающей сложности технической сферы тем не менее становится возможным неповторимый покой существования, господствующий над внешними условиями жизни и собственной жизненной телесностью. С легкостью достигнутое, воспринятое с детства послушание законам, регулирующим общественные функции, создает свободную сферу для самобытия.

Технический мир как будто уничтожает *природу*. Раздаются сетования на то, что существование становится далеким от природы. Однако техника, которая вынуждена на своем пути смириться с безобразием и отдаленностью природы, могла бы в конечном счете создать возможность более *интенсивного подхода к природе*. Современный человек способен по-новому осознать солнце и стихию мира. Техника создает предпосылки для того, чтобы жить в целостности географического мира, в обширном пространстве света и воздуха и всех видов их явления. По мере того как все становится близким и достижимым, родина расширяется. Из этого завоевания природы вырастает подлинная радость от близости нетронутой природы, которую я в одиночестве воспринимаю и открываю в чувственной близости посредством деятельности в ней моего тела. Только расширяя эту возможность открытия в моем непосредственном окружении и не освобождаясь от почвы, вернее, пользуясь этим освобождением как техническим средством приблизить ко мне эту почву, я могу не только увидеть в искусственно созданных возможностях шифры природы, но и глубже проникнуть в них.

С технизацией мира мы вступили на путь, по которому надлежит следовать дальше. Повернуть вспять означало бы затруднить существование до невозможности. Порицание не поможет, необходимо преодоление. Для этого техника должна быть чем-то само собой разумеющимся, которое в своем действии находится вне сферы пристального внимания. Необходимости в каждой деятельности создания для большего успеха технической основы следует противопоставить *доведенное до несомненности сознания того, что не подлежит механизации*. Абсолютизация техники была бы уничтожающей для самобытия; в нем каждое чувство свершения должно быть проникнуто другим чувством.

б) Техническое обеспечение существования требует знания лишь применительно к цели, для которой оно используется. Самобытие же в знании есть лишь в *изначальном волеии знания*. Если последним масштабom знания становится его пригодность, то я в нем отрекаюсь от себя. Если же знание остается просто ясностью, то я обретаю в нем самосознание.

Практически пригодное знание возможно только как результат подлинного знания, которое внутренне разъединяется и обнаруживает мир необходимо значимого как нечто особенное. Поэтому и в техническом существовании решительное понимание способа знания вызывает доверие лишь там, где есть самобытие, проводящее границы. Там, где это рушится, возникает лишь смешение познанного и воображаемого. Абсолютизированное, рационально принуждающее знание как бы технизирует все бытие; в непонимании оно предоставляет свободу научному суеверию, а затем и всякому суеверию. В этом случае человек не может ни с достоверностью познавать, ни быть подлинно самим собой, ибо ему доступно либо то и другое в одном, либо ни то, ни другое. Науку постигает лишь тот, кто изначально есть он сам.

Будущее находится там, где сохраняется напряженное единство методов знания, где специальное знание пронизано бытием, а философствование – особенностью мира. Тогда самобытие – высший орган знания, которое, правда, видит лишь в той мере, в какой оно наполнено миром, и только в том случае, если оно само остается в настоящем. Жизнь становится одновременно ответственностью удостоверившегося в бытии человека и подобна эксперименту познающего. То, что человек совершает, исследуя, планируя и строя, является, если видеть перед собой целое, путем, на котором она посредством попыток находит свою судьбу как способ своей уверенности в бытии.

в) *Однако жизнь как существование*, которое проходит в течение сумм мгновений, а затем прекращается, *не имеет судьбы*; время для него лишь ряд моментов, воспоминание безразлично, настоящее лишено будущего – оно лишь мгновенное наслаждение существованием или помеха ему. *Судьбу* человек обретает только *посредством связей*, не принудительных, охватывающих его в его бессилии как чуждые, а в принятых им, которые становятся для него его собственными. Они держат его существование в единстве, чтобы оно не распалось тем или иным образом, а стало бы действительностью его возможной

экзистенции. Тогда воспоминание открывает перед ним свою неизгладимую основу, а будущее – пространство, из недр которого вырастает требование ответственности за его нынешние действия. Жизнь становится неопределимой в своей ценности. В ней содержится возраст человека, его осуществление, зрелость, возможность. Самобытие есть жизнь, которая хочет стать целостной, причем только посредством значимой для нее связи.

В отрыве от исторических связей, в превращении в толпу любым образом взаимозаменяемых индивидов, выполняющих определенные функции в аппарате, действует тенденция разложить человека на короткие перспективы настоящего. Тогда связь относительна; ее можно разорвать, она всегда лишь временна, и безусловность всегда воспринимается как не имеющая отношения к делу патетика; в такой деловитости вырастает сознание хаоса. Поэтому сегодня вызывают к *новым связям*, к авторитету и церковной религиозности. Однако, если время и способно производить все, подлинные связи сделаны быть не могут; они свободно создаются человеком в сообществе. Если призыв к установлению связей сведется лишь к требованию создать искусственный порядок, основанный на послушании авторитетам и сформулированному закону, то это *уведет в сторону от подлинной задачи* и наступит то, что делает безусловность невозможной, что освобождает от свободы, парализуя ее. Перед человеком стоит возможность либо успокоиться, забыть о своем существовании, возвращаясь к авторитарным формам, освящающим аппарат обеспечения, либо обратиться в качестве единичного к той точке своей основы, исходя из которой существование определяет некая исключительная безусловность.

Истинным может остаться в мире только тот, кто живет, исходя из позитивного, которое он в каждом данном случае обретает лишь благодаря связи. Поэтому возмущение против внешних связей в качестве простого отрицания неистинно; оно завершается внутренним хаосом и продолжает существовать, когда предмета возмущения уже давно нет; возмущение истинно только как борьба свободы за свое пространство, черпающей свое право только из силы, *посредством которой она связывает самое себя*.

П о г р у ж е н и е в и с т о р и ю. Только тот, кто свободно связывает себя, застрахован от того, чтобы в отчаянии возмутиться самим собой. Невыполнимая и все-таки единственная задача, которая остается еще сегодняшнему человеку как человеку, состоит в следующем: найти перед лицом ничто на свой страх и риск, исходя из своих истоков, путь, на котором жизнь, невзирая на всю рассеянность в беспокойном метании, станет целостностью. Как во времена мифических героев, все теперь как бы зависит от отдельного человека.

Все дело в том, чтобы человек погрузился с человеком в мир исторической конкретности и в своей универсальной утрате родины фактически обрел новую, другую родину. *Дистанцирование* от мира дает ему свободу, *погружение* в мир – его бытие. Дистанцирование не может быть совершено посредством интеллектуальной абстракции, но лишь в одновременном соприкосновении со всей

действительностью; погружение – незримый акт, его не превозносят, а совершают в тихой безусловности. Дистанцирование мира дает внутреннее благородство; погружение в мир пробуждает человечность и самобытие. Первое требует самодисциплины, второе есть любовь.

Погружение в историю, в качестве которого безусловность возможной экзистенции может привести себя с помощью связи к себе, не совершается по предписанию; о нем можно говорить лишь апеллируя к нему. Оно может быть достигнуто как *сила почитания*, как *концентрация в профессиональном труде*, как *исключительность в эротической любви*.

Сила почитания, взирая на исторические образы человеческого величия, твердо исходит из того, что человек есть и на что он способен. Она не допускает, чтобы увиденное ею было разрушено. Она верна тому, что в качестве традиции воздействовало на ее самостановление, обращается к тому, из чего проросло ее бытие, к особенным людям, под влиянием которых она обрела сознание, и сохраняет пиетет, от которого никогда не отказывается. Для нее воспоминание в качестве абсолютного требования сохраняет в настоящем то, что уже лишено действительности в мире. Если же индивид почти всегда встречает на своем пути тех, кто лишен содержания и ранга, если одно его разочарование сменяется другим, то мера его собственной сущности проявляется в том, насколько он может проникнуть вглубь, по рассеянным искрам истинного найти свой путь и обрести уверенность там, где человек действительно есть.

Работа, совершаемая день за днем, если в ней нет ничего, кроме этой рутины, сразу же после ее окончания погружается в бездну забвения. Однако она становится явлением самобытия, если оно активно и длительно преследует в ней смысл, который вырастает в трудящемся как *концентрация непрерывности его воли к труду* в сознании определенной направленности. Если человек не может избежать безработицы или случайного использования его рабочей силы вследствие обстоятельств, которые он вынужден выносить, внутренне возмущаясь, то мерой его собственной сущности все-таки остается то, в какой степени он даже в этой крайней нужде способен посредством своей деятельности ощутить близость к вещам, остается та истина, которую осуществить трудно и никогда не следует требовать от других: хотя я и наковальня, мне надлежит совершить в качестве молота то, что я должен выстрадать.

Исключительность в половой любви связывает двух людей без каких-либо условий на все будущее время. Она без всякого обоснования коренится в решении, которое связало самость верностью в то мгновение, когда она пришла к себе посредством другого. Негативная сторона – отказ от полигамной эротике – есть следствие позитивного, которое в качестве любви истинно лишь тогда, когда охватывает всю жизнь; негативное требование – не растрчивать себя – следствие бескомпромиссной готовности возможного самобытия в этой верности. Без строгости в эротике нет самобытия; человеческое отношение к эротике возможно только в исключительности безусловной связи. Если же требование эротического

удовлетворения находит свое выражение в чарах следующих друг за другом счастливых переживаний индивида, то мерой собственно человеческой сущности остается власть, господствующая над этими чарами и не признающая непобедимыми требования природы.

Почитание подобно основе самобытия, активная деятельность в своей профессии – его возможная действительность в мире, всеисключающая любовь одного человека одного человека или безусловная готовность к ней – истина его души, без которой в ней царит непреодолимая грубость.

В каждой безусловности человек становится как бы *неестественным* в своей жесткости по отношению к себе; ибо подлинность бытия в исторической неповторимости связана с необоснованным стремлением не допускать, *не желать* и сдерживаться. Путь человека, некогда определяемый принуждением и силой всеобщих авторитетов, теперь же возложенный на него самого в качестве его ответственности свободой, связан с *насилием* по отношению к самому себе, пафос которого создается возможностью подлинного выполнения поставленной задачи.

Эта свобода в историческом погружении, безусловная по отношению к самой себе, в действительном существовании масс связана с сохранением авторитета духовных сил. Противоположность свободы и авторитета по своему характеру такова, что друг без друга они потеряли бы сами себя; свобода превратилась бы в хаос, авторитет – в деспотию. Поэтому бытие хочет наличия консервативных сил, в противоположность которым оно только и должно прийти к себе как единичное. Оно принимает традицию, которая прочно сохраняется во всей духовной жизни только в авторитетах. Несмотря на то, что церковь совершенно не заинтересована в свободе, она служит условием существования возникающей свободы. Она сохраняет духовное содержание во всем его объеме, понимание неумолимости, относящейся к трансцендентности действительности, глубину требований к человеку. Самой страшной опасностью было бы ее незаметное подпадение под власть массового аппарата при молчаливом союзе с неверием и тем самым утрата того, что в ней постоянно становилось истоком свободы.

Б л а г о р о д с т в о ч е л о в е к а. Вопрос, возможно ли еще достоинство человека, идентичен вопросу, возможно ли еще благородство. В настоящее время речь *больше не может* идти об аристократии как *господстве меньшинства* в качестве *наследственного привилегированного* слоя, возвысившегося над толпой в силу своей власти, имущества, воспитания и осуществленного в нем идеала образованности, – того слоя, который считает себя и считается другими сообществом лучших. Аристократия редко могла длительное время действительно быть господством лучших. Если аристократия как социальный слой временно принадлежала к числу самых значительных явлений, то очень скоро она превратилась в господство меньшинства, которое, само являлось массой, обрело типичные черты таковой; принятие решений большинством, ненависть к каждому выделяющемуся в толпе индивиду, требование равенства, беспощадная изоляция каждой особенности, непредставительной для всех, преследование всего

выдающегося. Аристократия, как господство меньшинства в качестве массы, заимствует доступные всем ее членам исключительные качества как социальные суррогаты действительного благородства человеческой экзистенции. То, что она в ряде случаев создавала неповторимый духовный мир, было следствием ее происхождения из подлинно благородного социального слоя и постоянного самовоспитания.

И теперь могут появляться, вероятно, могущественные социальные слои, но они будут варварскими. *Проблема человеческого благородства* состоит теперь в *спасении воздействия наилучших, число которых невелико.*

Однако эта аристократия не может держаться *в стороне от мира*, заполняя личную жизнь романтической любовью к прошлому. Если она не войдет в сознательном волеии в условия существования своего времени, с которыми она фактически связана, она составит лишь искусственные группы с необоснованными притязаниями.

Лучшие представители благородства внутри человеческого бытия – не наиболее *талантливые*, которых можно было бы выделить, не *типы рас*, которые можно установить антропологически, даже не *гениальные люди*, создающие выдающиеся произведения, но среди них всех те люди, которые являются самими собой, в отличие от тех, кто ощущает в себе лишь пустоту, ничто не считают своим, бегут от самих себя.

Сегодня начинается *последний поход против благородства*. Он ведется не на политическом или социальном уровне, а в самих душах людей. Следовало бы повернуть *вспять* то развитие, которое считают сущностью нового, но теперь уже прошедшего времени, – *раскрытие личности*. Серьезность проблемы, как позаботиться о человеке массы, который не желает внутренней независимости, ведет к восстанию в каждом из нас экзистенциального плебейства против самобытия, требуемого от нас божеством в его таинственности. Возможность, которую человек завоевывает в ходе своей судьбы, может быть в конце концов уничтожена. Инстинкты людей массы вновь, как уже не раз, и опаснее, чем когда либо, объединяются с церковно-религиозными и политическими абсолютистскими инстинктами, чтобы освятить универсальное нивелирование в существовании массы.

Именно это *восстание* направлено *против подлинного благородства человека*. Прежние политические восстания могли оказаться успешными, не разрушая его; это же, если бы оно удалось, уничтожило бы самого человека. Ибо не только последние века, но все историческое время, начиная с иудейских пророков и греческих философов, превратило бы бытие человека в то, что затем в новое время стали называть личностью. Однако по-разному именуемое, оно объективно недоступно, всегда остается единственным, ничем незаменимым способом самобытия.

С о л и д а р н о с т ь. Когда люди перемещаются, как пыль, действительность в ее достоверности встречается лишь там, где друзья являются подлинными

друзьями в фактической коммуникации их открытости и солидарности, в личной верности.

От одиночества спасает не мир, а самобытие, устанавливающее связь одного человека с другим. Это *единство обладающих самобытием* есть невидимая действительность существенного. Поскольку объективного критерия надежного самобытия не существует, оно не могло быть объединено в группы власти. "Треста порядочных людей", как принято было говорить, не существует. В этом их слабость, сила их может сохраняться только в невидимости. Существует не фиксированная в договорах связь, более сильная, чем национальное, государственное, партийное и социальное сообщество, чем раса. Эта связь непосредственно незаметна и проявляется лишь в своих следствиях.

Подобная *близость обладающих самобытием людей* – лучшее, что может быть даровано нам сегодня. Эти люди служат друг другу гарантией того, что бытие есть. В миру это те, кто меня волновал как действительность, кто оставался во мне, приводил меня к самому себе, а не те, проходил мимо, с кем я просто общался. У нас больше нет пантеона, им служит нам память об истинных людях, которым мы обязаны тем, что стали такими, как мы есть. Влияние известных из истории великих людей становится для нас решающим не сразу, но лишь в той степени, в какой они как бы вновь узнаются в тех, кто был нам действителен в качестве живых. Они пребывают для нас как бы в уверенном знании их близости, остаются без притязаний вовне, без обожествления, без пропаганды. Они не встречаются среди того, что открыто публичности и значимости, и тем не менее именно они определяют правильное движение вещей.

В изолированном существе подлинного благородства быть не может. Оно – в связанности самобытных людей, которые верны обязательству постоянно интересоваться друг другом, помогать друг другу, когда они встречаются, и быть готовым к коммуникации, ожидая ее, не проявляя навязчивости. Не сговариваясь, они сохраняют взаимную верность, более непоколебимую, чем основанную на договоре. Такая солидарность распространяется и на врага, если одно самобытие подлинно противостоит другому. Тогда осуществляется то, что могло бы быть в политических партиях, невзирая на все различия, солидарностью лучших их членов, которая ощущается, даже если не находит своего выражения, потому ли, что для этого нет повода, или потому, что ситуация не предоставляет для этого возможности.

Солидарности этих людей надлежит *отделиться* от встречающихся повсюду фактических предпочтений, связанных с симпатией или антипатией, от своеобразной притягательности друг для друга всякой посредственности, чувствующей себя хорошо при отсутствии высоких требований, от вялого, но постоянно молча действующего объединения многих против немногих. Если все они чувствуют себя уверенными в массе, в которой они встречаются и из которой они выводят свое право, то солидарность тех, кто обладает самобытием, хотя и бесконечно более прочная во взаимной надежности, распространяющейся даже на

не допускающее объективацию поведение, но в мире она ненадежна из-за слабости, связанной с малочисленностью и неуверенностью во встречах. У многих есть десятки друзей, которые не являются таковыми; эти же счастливы, имея одного.

Благородство духов, обладающих самобытием, *рассеяно* в мире. Тот, кто вступает в их сферу, приходит к этому не на основе суждения, а посредством осуществления своего собственного бытия. Единство этого рассеяния подобно невидимой церкви некоего *corpus mysticum*¹⁰ в анонимной цепи друзей, тот или другой член которой благодаря объективности своей деятельности обнаруживается другим, быть может, далеким самобытием. В этом *безобразном царстве духов* время от времени находятся отдельные люди, которые воспламеняются в близости строгостью своей коммуникации. Они всегда служат началом высшего взлета, возможного теперь в мире. Только они, собственно говоря, создают облик людей.

Б л а г о р о д с т в о и п о л и т и к а. Массы приводятся в движение вождями, которые говорят им, чего они хотят; историю творит меньшинство. Однако в настоящее время маловероятно, чтобы массу могла бы постоянно держать в повиновении аристократия, право на господство которой она бы признавала. К сожалению, сегодня все люди, неспособные действительно мыслить в силу отсутствия самобытия, все-таки благодаря тому, чему они научились, обрели способность высказывать свои мысли и манипулировать ими. Между тем, обретя таким образом свою долю в мышлении, масса непрерывно осуществляет нажим.

Поэтому может возникнуть вопрос, каким образом меньшинство, получив на мгновение одобрение массы, приходит к осуществлению власти, посредством которой оно впоследствии и при отсутствии одобрения сохраняет господство, формируя человека массы, который не есть он сам и не знает, чего он хочет. Замкнутое меньшинство может в сознании своего благородного происхождения под именем авангарда или в качестве самых передовых, наиболее волевых из последователей вождя, в силу исторически унаследованных привилегий по крови объединяются, чтобы завоевать власть в государстве. Они формируются по аналогии с прежними сектами: строгий отбор, высокие требования, постоянный контроль; они ощущают себя элитой и пытаются после захвата власти сохранить свои преимущества посредством воспитания молодежи, способной продолжать их дело. Однако даже если при возникновении этой элиты сила самобытия в качестве благородства человека и могла играть известную роль и продолжает ее играть в ведущих индивидах, то в своей совокупности они создают новую, отнюдь не аристократическую массу меньшинства. Безнадежно в определяемую массой эпоху ждать благородства человеческого бытия в образе господствующего меньшинства.

Поэтому аристократия и масса окончательно и на необозримое время перестали являть собой специфически политические проблемы. Правда, они встречаются еще как антитезы в политической аргументации, но это только слова; по существу же, все дело в том, господствует ли организованное меньшинство над

¹⁰ Мистическое тело (лат.).

большой массой, или благородство действует анонимно внутри массового порядка; устанавливается ли несправедливая и поэтому невыносимая форма управления, или благородство человеческого духа находит сферу для своего осуществления.

Л о ж н о е п р и т я з а н и е н а б л а г о р о д с т в о. Поскольку благородство есть лишь на взлете, в котором завоевывает себя бытие, оно не может *само дать себе предикат*. Оно – не род, в который человек входит или не входит, а человек вообще в возможности своего взлета. Поскольку мы склонны находить удовлетворение только в существовании, сила взлета всегда свойственна только немногим и в них непостоянна. Эти немногие – не представители массы в качестве вершины ее сущности, а скорее смутный упрек ей. Лишь непонятные они становятся ей известны.

Где идея равенства отдалается от только метафизически мыслимой изначальной возможности и касается фактического существования людей, она лишена истинности; именно поэтому от нее почти всегда безмолвно отказывались. Отвратительные физиогномические черты в поведении и облике, неприятный смех, мерзкие удовольствия, недостойные жалобы, ощущение себя сильными только в массе – все это не оттолкнет лишь того, кто только в пошлом окружении чувствует себя в сообществе равных. Нет человека, который мог бы равнодушно видеть себя в зеркале; чем сильнее он переживает взлет, тем острее чувствует он другое в себе. Людей массы следует признавать в той мере, в какой они служат, трудятся, поднимая взор, знают импульс возможного взлета, другими словами, в той мере, в какой они сами суть то, чем в большей степени являются немногие. Любви достоин не человек, как экземпляр существования, а человек как возможная эзистенция, в каждом индивидуе – его возможное благородство.

Если же благородство в человеке хочет понять себя как определенное существование и выделить себя, то оно становится ложным; истинное благородство анонимно как требование человека к себе; ложное становится жестом и требованием, обращенным к другим.

Поэтому в ответ на вопрос, возможна ли еще в наше время аристократия, следует апеллировать лишь к человеку, задавшему этот вопрос, к нему самому. Поле духовного сражения существует в каждом, если он еще не полностью утратил силу.

Ф и л о с о ф с к а я ж и з н ь. Благородство человека может быть названо философской жизнью. Благородством обладает тот, кто обладает истиной веры. Кто опирается на авторитет в том, чем он может быть только сам, это благородство теряет; тот же, кто вверяет себя божеству, не теряет себя, но претерпевает истину своего взлета как движение конечного самобытия в его крушении, истину, исходя из которой все происходящее в мире не может быть для него большим, чем он сам есть для себя.

Сохранить требование к этому благородству – прежде всего дело традиции. Невозможно достичь всего во внешнем действии; для внутреннего действия в центре вещей человека существует *слово*, не пустое слово, а слово, которое может

пробудить то, что приближается. Слово преобразуется, но остается тайной нитью, по которой ощупью пробирается сквозь время подлинное бытие человека. В качестве философской жизни это бытие человека, без которого внешняя действительность существования мира лишена души, есть последний смысл философского мышления; только в нем находит свое подтверждение систематическая философия.

В характере философской жизни человека заключена его судьба. Это не предписание, которому надлежит просто следовать, и не идеальный тип, в соответствии с которым надо строить свою жизнь. Философская жизнь вообще не есть нечто идентичное для всех. Она – армия отдельных людей, поток падающих звезд, который, не зная откуда он пришел и куда направляется, проходит сквозь существование. Отдельный человек, каким бы он ни был ничтожным, последует за ним во взлете своего самобытия.

С и т у а ц и я с а м о б ы т и я. Человек не может быть завершенным; для того чтобы быть, он должен меняться во времени, подчинясь все новой судьбе. Каждый из его образов с самого начала несет в себе, пребывая в созданном им мире, зародыш разрушения.

Сегодня он может вспомнить, как история бросала его из одной формы существования в другую, из одного сознания своего бытия в другое, но продолжать идти этим путем он, по-видимому, уже не может. С человеком вновь случилось нечто подобное тому, что было в начале его пути, и свое выражение оно находит в том, что человек оказался перед лицом ничто, и не только фактически, но и в своем знании, и что теперь он должен вновь, исходя из истоков, продолжить свой путь, пользуясь воспоминанием о прошлом.

Сегодня, когда возможности экстенсивного расширения существования неизмеримо возросли, стала ощущаться некая ограниченность; которая как будто уничтожает экзистенциальную возможность. С тех пор как это осозналось, жизнь людей преисполнилась отчаяния или бессознательного желания забыть о ней, что в объективном рассмотрении может быть и концом, и началом.

Человек не может уклониться от сложившейся ситуации, отступить в лишние действительности – ибо они прошлые – формы сознания. Он мог бы успокоиться в самозабвенном наслаждении существованием, как бы вернуться к природе, к мирной жизни безвременья. Однако наступит день, когда железная действительность вновь встанет перед его взором и приведет его в замешательство.

Для человека, полностью отброшенного назад в своей незащитности, остается лишь вернуться к началу вместе с другим человеком, с которым он связан верностью. Потрясающие сообщения о том, как в конце войны при отступлении некоторые немцы продолжали сопротивляться: видя себя изолированными, все-таки достигали в своем самоутверждении и жертвенности того, к чему не мог принудить их ни один приказ, в последнюю минуту еще пытались спасти родину от разрушения и сохранить в воспоминании немцев сознание своей непобедимости – эти сообщения свидетельствуют о едва ли когда-либо достигнутой в иных случаях

действительности, как символ сегодняшней возможности вообще. Это – первое бытие человека, которое перед лицом ничто в гибели не могло осуществить свой мир, но предъявило требование будущему миру.

Если мы назовем состояние перед лицом ничто неверием, то *сила самобытия* порождает в *неверии* внутреннюю деятельность на взлете. Эта сила пренебрегает возможностью объяснять внешними причинами то, что возникает или теряется в свободе. Она считает, что призвана к наивысшему и живет в напряжении из-за действующего на самое себя принуждение, в сопротивлении тому, что есть только существование, в податливости относительного, терпеливой способности ждать, в исключительности исторической связи. Она знает о своем крушении и читает в крушении шифр бытия. Она – *вера, философская* по своему характеру, которая в цепи отдельных людей, передающих друг другу факел, способна к новому созиданию.

Завершения быть не может. Все время будет возникать вопрос, что есть человек. Однако в каждый момент, когда человек, исходя из безусловности, следуя своим путем, во времени есть то, что уничтожает время.

Прошлое никогда не сможет сказать человеку, как ему себя вести. Пробужденный в свете воспоминания о прошлом, он должен сам принять решение. Им он, наконец, скажет, чем была для него духовная ситуация: в каком образе он осознает бытие, уверен в нем, чего он безусловно хочет, к кому он в данной ситуации обращается и к кому он в глубине своей души прислушивается.

Без таких истоков мир человека останется только предприятием. Для того чтобы бытие стало миром, тот, кто впоследствии отдается в сообществе с другими целому, должен сначала проникнуть в самого себя.

Самобытие – условие, без которого мир как наполненная идеей действительность человеческой деятельности уже невозможен. Поскольку самобытие есть лишь в единстве с бытием своего времени, оно при всем противоречии ему все-таки принуждает решиться на то, чтобы хотеть *жить только в это время*. Каждый акт действительности самобытия становится, пусть даже исчезающим малым, зародышем творения мира.

.....

А р е н а б о р ь б ы н е я с н а

Представление о возможных направлениях развития дает ответ на вопрос: *каким может оказаться мир, в начале которого мы находимся*. Концентрация всего человеческого бытия в стабильных организациях быстро растет. Превращение людей в функции огромного аппарата создает общее нивелирование; не нужны ни люди высокого ранга, ни необычное – нужно только усредненное, обладающее способностями в специальной области; переживает только пребывающее и поэтому относительно постоянное; принудительные меры существующего порядка состоят в том, что для вступления в союзы требуются обоснования, что вводит частичный, а затем полный запрет на свободу передвижения. Своего рода страстная тяга к авторитету, который гарантировал бы

порядок, призвана к тому, чтобы заполнить внутреннюю пустоту. Развитие идет к стабильному конечному состоянию. Но то, что выступает как идеал порядка в земном мире, невыносимо для человека, который знает, что его бытие состоит в притязании на свободу этого бытия. Кажется, что эта свобода может быть задушена незаметно растущим бременем преобразенных обстоятельств. Общее мнение деспотически господствует посредством фиксированных убеждений, которые, властвуя над всеми партиями, предстают как нечто само собой разумеющееся.

Таким образом, *основной вопрос времени* сводится, по-видимому, к тому, возможен ли еще независимый человек, сам определяющий свою судьбу. Под вопрос вообще поставлено, *может ли человек быть свободным*; это – вопрос, который, будучи действительно понят, сам снимает себя, ибо с действительным пониманием ставит такой вопрос только тот, кто может быть свободным.

Напротив, при объективирующем мышлении, которое рассматривает свободное бытие человека как существующую при данных обстоятельствах жизнь и ставит вопрос об условиях свободного бытия, может возникнуть мысль, что *вся история человека – лишь тщетная попытка быть свободным*. Тогда история человека для нас, по существу, не более чем сущее, но терпящее крушение мгновение между двумя неизмеримыми состояниями сна, первое из которых было природным существованием, второе становится существованием техническим. Постепенное угасание человеческого бытия оказалось бы более радикальным, чем когда-либо. Свобода была тогда лишь переходом во времени; она сама знала себя в своей трансценденции как подлинное бытие человека, а результатом оказался технический аппарат, который могла создать только она.

В противовес этому мысль объективирует как неустранимую другую возможность: *решение*, может и хочет ли человек быть в будущем свободным, выносится *для* него, а не против него. Правда, в своем большинстве люди испытывают страх перед свободой самобытия. Однако не исключено, что в соединениях внутри огромного аппарата окажется такая брешь, что для тех, кто осмелится, смогут осуществить свою историчность из собственных истоков, хотя и не в том образе, которого ждали. В нивелировании внешнего существования, представляющимся неотвратимым, исконность самобытия может в конечном итоге оказаться даже более решающей. В концентрации сил на краю гибели возникнет, быть может, независимый человек, который фактически овладеет ходом вещей и обретет значимость подлинного бытия.

Мыслить мир преисполненным безверия, а в нем машинных людей, потерявших себя и свое божество, мыслить рассеянное, а затем и окончательно уничтоженное благородство возможно лишь теоретически на мгновение. Подобно тому как внутреннему достоинству человека необоснованно претит мысль, что он умрет, будто бы он ничто, ему претит и мысль, что исчезнут свобода, вера, самобытие, будто их с таким же успехом может заменить технический аппарат. Человек – нечто большее, чем он видит в подобной перспективе.

Но если это меняющееся представление возвращается в сферу позитивных возможностей, то оказывается, что существует не единственная истинная возможность. Без сохраняющейся в церковной традиции религии в мире нет философского самобытия, а без него как противника и возбудителя нет подлинной религии. В отдельном человеке не содержится все. В существующем прогнозе противники, между которыми в виде напряжения между авторитетом и свободой есть жизнь не допускающего завершения духа, должны ощущать свою солидарность перед возможностью ничто. Если бы напряжение между авторитетом и свободой, в котором должен пребывать обладающий временным существованием человек, было восстановлено в новых формах, в машинном существовании возникла бы субстанция.

Что случится, скажет нам не беспрекословный авторитет, это скажет своим бытием человек, который живет. Задачей пробуждающего прогноза может быть только одно: *напомнить человеку о нем самом.*